

Прини-приниканис котрацисес, чибом победити!

САЙМОН БРАУН

ГОСУДАРЬ

Ключи власти

Саймон Браун

Государь

2003

Браун С.

Государь / С. Браун — 2003 — (Ключи власти)

Планы повелительницы Империи не сбылись. Магические Ключи власти, которые она, умирая, завещала своим детям, принесли в страну не единение, но – разлад и кровавые заговоры. Носительница Ключа Меча, принцесса-воительница Арива, руками своих приближенных уничтожившая старшего брата, обладателя Ключа Скипетра, заняла его место на троне... Носитель Ключа Исцеления, маг, врачеватель и мудрец Олио, все глубже погружается в пучину безумия... Младший из братьев, юный принц Линан, носитель таинственного Ключа Единения, пытается свергнуть сестру-узурпаторшу при помощи исконных врагов собственного народа – кочевников-четтов... А за противостоянием людей зорко следят вампиры, часть крови которых течет и в жилах Линана...

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	48
ГЛАВА 8	52
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10	65
ГЛАВА 11	74
ГЛАВА 12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Саймон Браун Государь

Посвящается рассеявшейся компании – Марку Коннолли, Киту Денчо, Мартицу Хемсли, Питеру Крамеру, Питеру Ливингстону, Полу Пассанту, и Джону Риду

БЛАГОДАРНОСТИ

Как всегда, я нахожусь в неоплатном долгу перед моими первыми читателями – Элисон Токли и Шоном Уилъямсом, чье терпение и стойкость стали уже легендарными. Мои редактора, Джулия Стайлз и Стефани Смит, сотворили с текстом чудо. Любые оставшиеся изъяны целиком на моей совести. Чудо сотворили и мои агенты – Гарт Никс и Рассел Гален.

Благодарю вас всех.

«Sited sorgcearig, saelum bidaeled
on sefan sweorcedd, sylfum binned
baet sy endeleas eariid a dael».

Когда всякая радость истает как сон,
А вокруг только множатся беды стократ —
Затуманиться может рассудок, сражен;
Замереть, обессилен под гнетом утрат.
И тогда покидает надежда сердца,
Веренице печалей не видно конца.¹

Из «Деор» (саксонская поэма, начало VIII века)

¹ Перевод Е.Беляевой-Чернышевой

ГЛАВА 1

За час до рассвета Линан Розетем, объявленный вне закона принц Гренды-Лир, одиноко стоял в предутренней прохладе. Его лицо было обращено к небу, но глаза закрыты. Он чувствовал запах земли – множества недавно вырытых могил, а чуть поодаль – более сухой и едкий запах лошадей. На некотором расстоянии он ощущал присутствие людей, тысяч и тысяч людей: в лиге-другой – его четтов, где-то в пятнадцати лигах к югу – его врагов, и неожиданно большого числа людей к северу от того места, где он стоял.

Линан почувствовал, как его овеивает мягкий прохладный ветер, дующий с запада, – и ветер этот принес с собой неожиданные звуки. Кавалерия. Глаза миготнули, на секунду закружилась голова. Звезды вращались над ним; пришлось расставить ноги пошире, чтобы не потерять равновесия. Он опустил взгляд и увидел темный силуэт Дженрозы, сидящей у изголовья могилы Камаля. Вдруг сзади послышался шелест. Он быстро обернулся. Это была Коригана, высокая королева четтов.

– Ты оплакиваешь друга, – проговорила она.

– Нет. – Линан покачал головой. А затем оглянулся на могилу Камаля и Дженрозу. Ему до сих пор не верилось, что тело друга томится теперь под могильным холмом; всего лишь земля – да и всего лишь смерть, если уж на то пошло – не могла одолеть этого воина-великана, самого знаменитого солдата во всем Гренды-Лир, учителя и опекуна Линана.

– Я слышу, как с запада приближаются всадники, – сказал он Коригане. – Много сотен.

– Рыцари Аривы? – нетерпеливо шепнула она. – Снова? Как им удалось обойти нас?

– Не рыцари. Четты.

Он тербил висящий на шее Ключ Меча, все еще темный от крови Сендаруса. Тот казался до нелепости легким.

– Эйнон? – расширив глаза, воскликнула Коригана.

– Возможно. Если так, то он на расстоянии многих часов отсюда.

– Я подниму знамена...

– Нет, – запретил Линан.

– Но Эйнон...

– Если это Эйнон, то он идет не сражаться, – с уверенностью сказал Линан. – По крайней мере, не с нами.

Коригана покачала головой, но не высказала рвущихся с языка сомнений. Она никогда не доверяла Эйнону, самому решительному своему противнику среди четтов.

– Впрочем, отправь несколько разведчиков, – добавил Линан.

Коригана улыбнулась.

– Просто для большей уверенности.

– Большую часть разведчиков отправь на юг – проверить, как там армия королевства – а остальных на север, – уточнил Линан.

– На север?

– Где-то там болтается третья армия, и мне хотелось бы знать, какими силами она располагает, кому принадлежит и в каком направлении движется.

– Король Хаксуса? Салокан?

– Вероятно; он по-прежнему отступает. – Линан невесело улыбнулся. – Как и мы.

Коригана кивнула и собралась уходить. Но заколебалась, чувствуя потребность сказать еще что-то, дать ему знать, что она понимает, через какую боль ему приходится пройти. «Не сейчас, – сказала она себе. – Позже, когда у него будет время примириться со смертью Камаля». Она ушла.

Снова оставшись один, Линан опять закрыл глаза и сосредоточился на своих ощущениях. Западный ветер утих, и вскоре подул более теплый и сильный ветер с востока. Он нес запахи пашен, рек, городов и – глубоко под ними – резкий привкус моря.

Воспоминание о смерти Камаля настигло Эйджера в сновидениях. Вздрогнув, он проснулся, едва стало светать. Эйджер встал, размял руки, разгоняя кровь, затем рассеянно застегнул пояс с мечом. Он взглянул на Мофэст, все еще спящую под двумя их попонами. Она дышала ровно и медленно, и на мгновение теплота закралась в его сердце. А затем неожиданно словно заныла рана – на него нахлынули воспоминания о сражении двухдневной давности. Впервые с того страшного дня он по-настоящему почувствовал смерть друга. Эйджер сдержал рвущийся из груди стон. Ему хотелось упасть ничком и закрыться руками, чтобы не видеть этот мир без идущего по нему Камаля Аларна.

Он встряхнул головой, проясняя ее. Подобные мысли слишком походили на стремление к смерти, и Камаль презирал бы его за них. Он посмотрел на восток, увидел, что до восхода еще не близко, а потом разглядел на фоне горизонта Линана, стоящего неподалеку от могил четтов, павших в битве против армии королевы Аривы. «Но у нас, Линан, нет времени на скорбь, – подумал он. – Мы проиграли сражение, и враг будет преследовать нас, несмотря на то, что ты убил их предводителя».

Он понаблюдал за юным принцем, прежде чем подойти к нему. Приблизившись достаточно, чтобы разглядеть выражение лица Линана, он заметил, что тот отнюдь не скорбит; наоборот, кажется поглощенным собой и углубившимся в размышления. Эйджер не хотел мешать ему и повернулся, собираясь уйти.

– Останься, – тихо попросил Линан.

– Ваше величество?

Линан фыркнул.

– Даже ты теперь называешь меня так.

Эйджер кивнул.

– Ты будешь королем.

– Даже после нашего поражения?

Эйджер внимательно пригляделся к Линану.

– Ты не выглядишь как человек, считающий себя потерпевшим поражение.

– О, поражение мы потерпели, спору нет. – Он моргнул. – Мы потеряли Камаля. Я скорее предпочел бы потерять всю армию, чем его.

И все же, на взгляд Эйджера, было как-то незаметно, что Линан действительно скорбит о потере. Он нутром чуял: здесь что-то не так. Но не мог понять, что именно. Линан все говорил правильно, но за его словами не чувствовалось эмоций, словно одновременная потеря Камаля и битва с армией, преданной его сестре, подавили его чувства.

– Впрочем, возможности ещё представятся, – продолжал Линан.

– Ладно, допустим, врагов у нас скоро будет предостаточно. Они, должно быть, уже пришли в себя и наверняка не сильно от нас отстали.

Линан на мгновение прикрыл глаза и, открыв их снова, сказал:

– Армия Аривы все еще находится в лагере.

– Откуда ты можешь знать?..

– Но к северу есть и другие войска. Они удаляются от нас.

– Салокан, – ничуть не сомневаясь, заявил Эйджер.

– Коригана уже отправляет разведчиков проверить.

– Это должен быть Салокан, – настойчиво повторил Эйджер. – Арива отправила сюда армию, чтобы разделаться с Салоканом, не с нами. И магия Дженрозы показала, что армия Хаксуса потерпела поражение и сейчас отступает.

– Я предпочитаю знать наверняка. Мне не хочется угодить в клещи между двумя армиями. Мобильность – самое большое наше преимущество.

Некоторое время мужчины молчали. А потом Эйджер заметил сидящую у могилы Камалю Дженрозу.

– Ты говорил с ней за последние три дня?

– Нет, – тихо ответил Линан, прекрасно понимая, о ком речь. – Я не уверен... может быть, ты...

– Думаю, тебе лучше подойти к ней, – сказал Эйджер с большей уверенностью, чем испытывал. Его одинаково беспокоили и кажущееся безразличие Линана, и пребывание Дженрозы наедине со своим горем.

Линан резко кивнул и пошел. Эйджер смотрел вслед, противясь порыву пойти вместе с ним. «Принц уже не мальчик», – напомнил он себе.

Дженроза пристально смотрела на свои руки, до сих пор не вымытые со дня битвы и по-прежнему кроваво-красные от крови Камалю. Это все, что ей осталось от него, кроме воспоминаний. Как только небо посветлело, она начала видеть в потеках крови узоры; сперва ничего определенного, просто мелькание пейзажей, незнакомых лиц, мифических животных; но потом они сформировались во что-то, напоминающее карту, и в своем воображении она наблюдала за армиями, марширующими взад и вперед у нее на ладонях, наблюдала великие сражения и многочисленные смерти. Одна-единственная слеза упала и разбилась о ладонь. Кровь снова стала красной и смешалась, прежде чем узоры сложились в знакомые ей черты лица.

– Линан, – прошептала она, и не успело еще отзвучать имя, как на нее упала тень.

Она подняла взгляд – и на мгновение ей показалось, что его бледная кожа стала цвета крови. Она прижала руки к лицу и, охнув, отвела взгляд.

Линан озабоченно посмотрел на нее.

– Дженроза?

Она подняла голову и увидела, что его кожа снова бледна как рассвет. Дженроза испустила глубокий вздох, заставивший ее содрогнуться всем телом.

– Мне показалось... – начала она, но не смогла закончить. Он присел рядом с ней и взял ее руки в свои. Не верилось – до того они были холодные, даже холоднее ее рук. В голове у нее промелькнуло множество мыслей, но ни одну из них она не хотела высказывать вслух.

– Что ты теперь будешь делать? – спросил он.

Насколько она могла судить, он пытался говорить с ней помягче, но сухость, прозвучавшая в этих словах, придавала им такой оттенок, словно на самом деле ему это безразлично.

– Продолжать жить, конечно, – ответила она, удивившись звучанию собственного голоса. Она ожидала, что он будет наполнен чувством, но в нем присутствовало что-то от бесстрастия, выказанного Линаном. И тогда она поняла, что внутренне он, должно быть, чувствовал себя таким же покинутым, как и она. – Я ведь магичка. Четтская магичка. Я останусь с тобой, Эйджером, Гудоном и остальными. – Она глубоко вздохнула. – И отомщу за смерть Камалю. Не знаю как, но отомщу.

– Тогда идем, – позвал Линан. – Скоро ты будешь нам очень нужна.

Он встал, поднимая ее за собой.

Дженрозе вдруг стало холодно, и она задрожала. Линан снял с себя пончо, накинул ей на плечи, а потом сделал знак Эйджеру; тот поспешил к ним.

– Отведи ее к Подытоживающей, – приказал он. – Ей следует быть рядом с другими магами. Они, наверное, сумеют сделать так, чтобы она отдохнула.

Эйджер кивнул и удалился вместе с Дженрозой, обняв ее за плечи. В эту минуту Линан подумал, что его друзья сейчас выглядят маленькими и очень хрупкими, такими непохожими

на тех уверенных, сильных людей, какими казались они все, когда был жив Камаль. Ему захотелось крикнуть, что он защитит их, что все в порядке – но он вспомнил, как стоял рядом с могилой Камалья, и понял, что это неправда. Он не мог защитить никого из них, и ни на секунду не верил, что все будет в порядке.

Разведгруппы, отправленные Кориганой еще до рассвета, вернулись обратно к середине утра. Они доложили о результатах непосредственно Коригане, и она отправилась разыскивать Линана. Она нашла его в обществе Гудона и личных телохранителей, Красноруких, которые уже сидели в седлах, будто только и ждали ее доклада.

– Армия Аривы до сих пор не сдвинулась с позиций, – доложила Коригана. – Они выжидают, желая сперва посмотреть, что предпримем мы.

– А войска к северу от нас?

– Салокан, – подтвердила Коригана. – Он продвигается с максимальной скоростью, но у него много пехоты и раненых, что замедляет движение. Направляется он прямо на север, к границе с Хаксусом.

– Почему армия Аривы не преследует нас? – спросил Гудон.

– Мы их сильно потрепали, – ответила Коригана. – Сейчас они зализывают раны.

– К тому же Сендарус мертв, и они утратили Ключ Меча, так что у них, быть может, нет командующего, – добавил Линан.

– Грызня между помощниками командира? – предположил Гудон.

Линан взглянул на самого давнего своего друга среди четтов.

– Возможно. Или они не знают, насколько сильно потрепаны мы. Или просто из-за нерешительности. Камаль рассказывал, что мой отец однажды сказал: генералу всегда следует как-то действовать. Лучше действовать неправильно, чем бездействовать. – Коригана и Гудон остро посмотрели на него. Линан грустно засмеялся. – Не беспокойтесь. *ЧТО-НИБУДЬ* мы будем делать.

На мгновение повисло молчание. Линан, казалось, довольствовался тем, что сидел на своей кобыле. Наконец Гудон не вытерпел:

– Чего же мы все-таки ждем?

Линан указал на запад. Гудон увидел на горизонте только легкую дымку и над ней – носящихся в воздухе птиц.

– Эйнона, – произнес Линан. Гудон взглянул на Коригану и увидел ее обеспокоенность. – Но мы не будем ждать. Я поеду ему навстречу.

– Я созову знамена, – сказала Коригана. – Ты встретишь его вместе со своей армией.

– Нет. Я отправлюсь с Краснорукими. Ждите меня здесь.

– Но ваше величество, это же Эйнон! – взмолилась Коригана. – Он знает, что уничтожив вас, он уничтожит меня и откроет себе путь к престолу четтов...

– Ты действительно думаешь, что Эйнон может меня убить?

Коригана вспомнила, как в ходе последней битвы враги не раз поражали его – но раны исчезали, не причиняя вреда. После того, как Дженроза, спасая жизнь принца, дала ему кровь лесной вампирши Силоны, он стал чем-то иным, нежели просто человек; для четтов он стал вернувшимся Белым Волком, воплощенным мифом. Она покраснела и покачала головой.

– Так надо, – мягко сказал ей Линан. – Доверься мне. Жди здесь. Я вернусь еще до вечера. Вышли новых разведчиков – пусть ведут наблюдение за армиями королевства и Салокана. Когда я вернусь, мне нужно будет знать их точное расположение.

Много лет назад, когда Эйнон был еще мальчишкой, отец отправил его с торговой экспедицией на восток. Сопровождая один из летних караванов через ущелье Алгонка, он глядел на все широко раскрытыми от удивления глазами: впервые он увидел покрытые буйной

растительностью богатые земли между морем и горами Уфери, потеряв счет кишмя кишащим тысячам местных жителей, дивясь богатству, которым щеголяли даже самые мелкие землевладельцы. Сейчас, спустя десятки лет, ему все еще приходилось бороться с искушением отпустить повод лошади и с открытым ртом глазеть на зеленые пастбища и леса, через которые он вел своих четтов. Ему также приходилось бороться с соблазном считать, что столь изнеженные края способны породить лишь изнеженных солдат. Он знал, что сформированные здесь армии завоевали для Розетемов почти весь континент Тиир и под руководством Генерала Элинда Чизела – отца принца Линана – даже изгнали наемников из Океанов Травы, совершив то, что никогда не удавалось сделать самим четтам.

«Пока отец Кориганы не объединил нас всех под своим знаменем». Эйнон глубоко вздохнул. Он понимал: сделанное старым королем – которого также звали Линаном – было сделано для блага всех четтов, но в междоусобных войнах, которые он вел, выковывая это единство, погиб отец Эйнона. И вот теперь тезка Линана, сын великого Генерала и союзник Кориганы, творил для четтов новую судьбу.

Эйнон достал из сумки на поясе Ключ Единения и ощутил его тяжесть. Ключ был тяжелее, чем ему следовало быть, хотя, к удивлению Эйнона, с каждым днем становился все легче. Его сторонники ожидали, что он повесит Ключ на шею. В конце концов, разве сам Белый Волк прислал его не в качестве взятки – ради возвращения под его руку клана Лошади и всех союзных с ним кланов? Но Эйнон этого не сделал. Ключ был послан не в дар, как думали его приверженцы, а как напоминание о том, чему надлежало хранить преданность; со стороны мудрого принца это было мягким подталкиванием в нужную сторону.

И Ключ привезли вместе с еще большим подарком, напомнил себе Эйнон: головами наемников Прадо и Рендла, двух злейших врагов его народа.

Он убрал Ключ и поднял голову. Его всадники проезжали через лес, и тени от веток скрещивались над ними, словно пальцы гигантских рук. Несмотря на свою красоту, эта часть мира заставляла Эйнона чувствовать себя в ловушке. Ландшафт, казалось, угрожающе стеснял его со всех сторон. Там, в Океанах Травы, пространство было открытым и плоским, но здесь даже небо низко нависало над ним.

Он изучал лицо всадника, едущего рядом с ним, и не замечал в нем ни страха, ни беспокойства. Скорее уж оно отражало присущее этому молодцу рвение.

– Тебе у нас понравилось, Макон? – поинтересовался Эйнон. Высокий четт внимательно посмотрел на вождя.

– Я скажу Линану, что ты самый щедрый хозяин, у которого мне доводилось гостить.

Эйнон удивился – но потом сообразил, что Макон неправильно понял вопрос. Ну конечно же, Линан стоял для этого человека на первом месте. Именно это вождь и его люди невольно подмечали в Маконе, а также во всех Красноруких, доставивших подарок Линана: все они были без ума от Белого Волка. Восточный принц был уже больше мифом, чем человеком, и это как ничто другое убедило Эйнона: у него нет иного выбора – придется поддержать Линана в его борьбе. В конце концов, кто может устоять против мифа?

Из переднего фургона донесся крик, и через мгновение к ним уже галопом скакала всадница. Она пронеслась мимо Эйнона, развернулась и поехала рядом с ним.

– Четты. Много. Краснорукие.

– Насколько далеко? – спросил Эйнон.

– Примерно в часе езды отсюда.

– А Линан?

– Он во главе. – Она хотела добавить что-то еще, но нервно взглянула на Макона и, очевидно, решила ничего не говорить.

– Передай авангарду: продолжать двигаться вперед, – приказал Эйнон. – Мы скоро присоединимся к вам.

Всадница устремилась назад.

– Я хотел бы поехать вперед и приветствовать Линана, – сказал Макон.

Первым желанием Эйнона было попросить Макона остаться с ним – он хотел произвести на Линана впечатление, не расцветив докладом его посланца – но отпустить Макона означало продемонстрировать собственную уверенность и власть.

– Передай принцу Линану привет от меня.

Макон благодарно улыбнулся, прищпорил лошадь, пустив ее в галоп, и вскоре скрылся из вида.

Два войска встретились там, где дорога вышла из леса и петляла, пересекая заросшее травой поле. Оба командующих приказали своим войскам остановиться, а сами поехали к середине поля, навстречу друг другу. Когда Эйнон подъехал достаточно близко, чтобы как следует разглядеть лицо Линана, то невольно охнул от удивления при виде перемен. Если прежде из-за белизны своей кожи принц чувствовал себя неуютно, словно теленок в волчьей шкуре, то теперь явно привык к ней. Линан был невысоким, жилистым и белым как снег, и его взгляд, холодный как лед, ни на миг не отрывался от лица Эйнона. Они остановились в нескольких шагах друг от друга и даже не попытались пожать друг другу руки; меж собой им не требовалось притворяться. Оба знали, что именно здесь происходит.

– Рад, что ты приехал, – сказал Линан.

– Я доверяю тебе, – без всякой иронии ответил Эйнон. Тут он заметил на шее у принца Ключ Меча. И невольно прикипел к нему взглядом.

– Подарок от Аривы, – криво усмехнулся Линан.

Эйнон удивленно взглянул на него.

– Ты убил королеву? – Он не мог скрыть потрясения.

– Нет. Она отдала его своему любовнику. Одному аманиту по имени Сендарус.

– Значит, ты разбил армию королевства?

Линан покачал головой.

– Нет, мы потерпели поражение.

Эйнон моргнул. Не придумав ничего лучше, спросил:

– Вы отступаете?

– Нет. Обе стороны сильно потрепаны. Армия королевства, по-моему, пострадала сильнее, но поле осталось за ней. Технически это означает, что они одержали победу.

– Ни один четт не счел бы это победой, – прозаически заметил Эйнон. – Залитое кровью поле не стоит жизни даже одного воина. Если они потеряли больше воинов, значит, победили вы.

– Я потерял Камалю, – напрямик сказал Линан. – Я не победил.

– Боже, малыш, я не ожидал, что ты встретишь меня празднованием, но не ждал и такого пиршества дурных вестей.

То, как Эйнон произнес «малыш», заставило Линана подумать о Камале. Странно, но в каких-то мелочах – своей речью и манерой держаться – этот вождь напоминал ему погибшего наставника. Он оттолкнул от себя эту мысль.

– Тебе лучше точно знать, в каком я положении, прежде чем ты окончательно и бесповоротно решишь поддержать меня.

– Ты так уверен, что я приехал именно поэтому?

– Ты же привез Ключ Единения, – уверенно произнес Линан.

– Ну и в каком ты положении? – Эйнон невольно усмехнулся.

– Моя армия в основном цела. Армия королевства нас не преследует; у нее мало заслуживающей упоминания кавалерии, и большая часть ее состояла из рыцарей Двадцати Домов, а они совершенно непригодны для преследования. К северу от нас есть еще и третья армия: отступающие силы вторжения Салокана.

– Вы столкнулись с тяжелой кавалерией Кендры?
– И почти всю ее разгромили. – Линан на мгновение прикрыл глаза. – Это была заслуга Камаля.

– В своей оценке положения ты забыл упомянуть еще об одном. Линан на миг задумался.

– Мне кажется, я ничего не...

– Ты разгромил наемников Прадо и Рендла.

– А...

– Поэтому, на мой взгляд, у тебя на счету по крайней мере одна победа, а возможно, и вторая. – Эйнон достал из висящей на поясе сумки Ключ Единения. – По-моему, это твое, – произнес он и протянул Ключ Линану.

– Спасибо, – просто ответил принц, беря его и вешая на шею. Тот звякнул, ударившись о Ключ Меча, и Линан на кратчайший миг почувствовал огромный прилив сил, заструившихся по его жилам. Он так удивился, что едва слышал крики одобрения Красноруких, раздавшиеся у него за спиной.

Гудон сидел позади окружавшего Линана круга вождей. Это собрание и забавляло, и малость угнетало его, но ничего иного от начала заседания нельзя было ожидать. Ближе всех к Линану сидели Коригана и Эйнон: старые противники, борющиеся сейчас за общее дело, но все равно остающиеся старыми противниками. Поддерживаемые союзными вождями кланов, оба спорили о наилучшей стратегии для армии четтов, которую представляли себе по-разному.

Спор был жарким, желчным и зашел в тупик. Гудон гадал, насколько отличалось бы это обсуждение, присутствуй на нем Камаль – и пришел к выводу, что его присутствие еще больше повысило бы накал. За то время, пока Гудон знал Камалю, он хорошо усвоил, что допустить того до участия в дискуссиях все равно что бросить факел на сухую солому. Он скривился как от боли. *БЫЛО* все равно, поправил он себя.

Гудон переводил взгляд с Эйнона на Коригану, слушая доводы, неоднократно приводимые каждым из них в пользу своего плана, а иной раз посматривал на Дженрозу, сидящую с другими четтскими магами. Было видно, что она пытается сосредоточиться на том, что говорилось – или выкрикивалось, – но мысли ее бродили где-то далеко.

А в центре всего этого сидел Линан – бесстрастный, не делающий никаких попыток смягчить разногласия своих расколовшихся на два лагеря сторонников. Он дождался, пока у Кориганы и Эйнона не иссякнут доводы, а затем встал. Все разговоры затихли. Он посмотрел на Коригану.

– Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы я двинулся против армии королевства и закончил то, что нам не удалось сделать в битве три дня назад.

Коригана кивнула, и он взглянул на Эйнона.

– А ты хочешь, чтобы я двинулся прямо на столицу провинции, Даавис, взяв ее, пока единственная армия королевства все еще оправляется от удара в провинции Хьюм.

Эйнон кивнул. Линан набрал побольше воздуха в грудь, а потом посмотрел прямо на Эйджера, тихо сидящего рядом с Гудоном.

– А ты, старый горбун, что посоветуешь?

Эйджер удивленно моргнул. Все взгляды обратились в его сторону. Каждый сознавал, что Эйджер, как один из первоначальных товарищей Линана, обладал большим влиянием, чем просто вождь.

Эйджер прочистил горло.

– Слушай, а что хочет предпринять Белый Волк?

Линан улыбнулся, а по кругу собрания пробежал вздох. Коригана и Эйнон, похоже, смешались.

– Белый Волк говорит, что мы не станем ни нападать на армию королевства, ни атаковать Даавис.

– Ну не отступим же мы обратно в Океаны Травы! – возгласил Эйнон. Линан внезапно холодно посмотрел на него. Эйнон сглотнул и поспешно добавил: – Я проделал весь этот путь со своими людьми не для того, чтобы вернуться назад, не нанеся врагу удара во славу вашего величества.

«О, здорово сказано», – подумал Гудон и увидел, что Линана это тоже позабавило.

– Вы нанесете удар, Эйнон, – заверил его Линан, говоря достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие. – Во славу меня и всех четтов.

– Тогда против кого же мы пойдём? – спросила Коригана. – Я выступаю от лица всех четтов, когда говорю, что нам бы хотелось получить возможность вторично напасть на королевство, атаковав либо его армию, либо Даавис.

– Как и мне, – поддержал ее Линан. – Но не сейчас.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, мы не знаем, не идут ли к армии королевства подкрепления. Во-вторых, это ожидаемый ход.

– Значит, мы выступим в поход на Салокана, – вслух догадался Эйджер.

Наступило потрясенное молчание. Наконец Коригана спросила:

– Зачем искать себе еще одного врага? Он бежит из королевства, и если мы не вмешаемся, будет удирать до самого Хаксуса.

– Салокан и так уже наш враг. Во времена Невольничьей войны Хаксус всегда служил базой наемников и снова стал ею для Рендла нынешней зимой. Мне незачем напоминать всем здесь собравшимся, сколько боли и несчастий принесли четтам работорговцы. Не располагая Хаксусом как своей основной базой, они не смогут действовать так свободно, как действовали всегда.

– Когда мы выступим? – спросил Эйджер.

– Армия готова? – спросил Линан у Кориганы.

– Да, ваше величество.

– Значит, мы выступим на Салокана сегодня ночью.

ГЛАВА 2

Третий день подряд Чариона обшаривала взглядом восточную часть горизонта в поисках хоть каких-нибудь признаков пыли, озадаченная и озабоченная тем, что не видно ничего похожего на них. С момента окончания первого сражения она мысленно готовилась к нападению принца Линана и его армии четтов, но даже ее немногие оставшиеся пешие разведчики не могли обнаружить в пределах пяти лиг никаких следов противника. Правда, некоторые из разведчиков так и не вернулись, но дозорам самого Линана тоже полагалось быть выдвинутыми, независимо от того, собирался он нападать или нет. Она была озадачена, поскольку ожидала, что Линан использует большую мобильность своей армии, чтобы окружить их и попытаться завершить начатое, а озабочена потому, что боялась, как бы он вместо этого не обогнул их позиции для захвата ее столицы, Даависа. При обычных обстоятельствах она бы не беспокоилась; четты – воины-кочевники, и вся их знаменитая свирепость и мужество ничем не смогли бы помочь им при штурме стен Даависа без осадных машин. Но после осады Салокана бедный город был не в силах устоять перед решительным штурмом.

Рядом с ней появился Гален.

– Если б Линан собирался напасть на нас, то уже давно был бы здесь, – произнес он.

Чариона взглянула на кендрийского аристократа и кивнула.

– Нам нужно возвращаться в Даавис. – Она осторожно посмотрела на него, а затем поправила: – *МНЕ* нужно возвращаться в Даавис. За вас я не говорю.

Гален ответил не сразу. Он знал, что она предлагает ему подарок, и был этим чрезвычайно удивлен. Уцелевшие рыцари Двадцати Домов Кендры поступят под его командование, и Чариона предоставляла ему самому решить, насколько далеко будет простирается ее власть в ее же собственном королевстве. «Необычные ныне времена», – подумал он. Гален знал, что еще полгода назад ему и присниться не могло, что он будет когда-нибудь служить под началом принца-аманита, не говоря уж о том, чтобы уважать его и скорбеть о его смерти. А сейчас королева Чариона, пожалуй, наименее уважаемая из всех провинциальных правителей, показывает себя таким же хорошим дипломатом, как и Сендарус. «Возможно, Ашарна и Арива всегда были правы. Королевство Гренда-Лир и правда больше, чем всего лишь город Кендра».

– Командуете здесь вы, – ровным тоном произнес он. – Если Арива не отдаст иного приказа, я в вашем распоряжении.

– Вы отправили ей известие о сражении и о смерти ее мужа? – Голубь улетел ночью.

– Я должна защитить свою столицу. Там я смогу перегруппироваться.

– А рыцари? Если вы пожелаете, они будут сражаться, сидя за стенами Даависа, но им можно найти лучшее применение.

– В настоящее время мне требуется арьергард, достаточно сильный, чтобы у вражеских разведчиков не возникало желания нас преследовать, но достаточно мобильный, чтобы уклониться от серьезных осложнений. Когда мы доберемся до Даависа, то будем лучше представлять положение дел – а может, будут и какие-то новости от Аривы. Тогда мы сможем решить, как лучше всего использовать вашу тяжелую кавалерию.

– Когда отправляемся?

– Завтра. Как только начнет светать – в случае, если Линан все же передумал атаковать нас.

– Ваше величество?

Слова эхом разнеслись в темном помещении. Оркид Грейвспир, канцлер королевства Гренда-Лир, чувствовал себя глупо, стоя в дверях личных покоев королевы Аривы. Стоявший

у него за спиной Харнан Бересард, секретарь королевы, беспокойно вертел в руках письменные принадлежности.

– Ваше величество? Вы нужны вашему народу...

– Довольно, старый медведь.

Оркид облегченно вздохнул. По крайней мере, она с ним разговаривала.

– Королевству нужна его королева, – настаивал он.

– А моему брату нужна его сестра, – ответила она. – Ключ Сердца полностью завладел его разумом, оставив его всего лишь ребенком.

– У меня есть последние известия, – с надеждой в голосе сказал из-за спины Оркида Харнан. – Срочные сообщения, требующие немедленного ответа.

– Оркид позаботится об этом, – отмахнулась она.

Двое мужчин переглянулись. В их взглядах была покорность судьбе.

– Говорил же я вам, – едва шевеля губами, прошептал Харнан.

– Ваше величество, о его высочестве могут позаботиться и другие, – настаивал Оркид. –

Но только вы можете управлять Грендой-Лир.

– Я нужна Олио.

Оркид отошел от дверей, и его место занял страж. Харнан в отчаянии посмотрел на канцлера.

– Мы можем что-нибудь сделать? – спросил секретарь.

Канцлер покачал головой.

– Не уверен. Если б только был какой-то способ помочь ее брату... – Его голос на мгновение прервался, а затем он повернулся и велел Харнану: – Разыщите Эдейтора Фэнхоу.

– Прелата? Все магистры теургии заявили о своем бессилии. По их словам, Ключ Сердца завладел его разумом. Если сами магистры не могут помочь его высочеству, что может сделать этот толстый чиновник?..

– Просто приведите Фэнхоу ко мне в кабинет, – настойчиво повторил Оркид и удалился прежде, чем Харнан успел еще что-нибудь возразить.

Отец Поул, примас церкви Подлинного Бога, вел дневную службу, молясь о душе крошечной искалеченной Ашарны, новорожденной дочери Аривы, которую та потеряла при родах в тот же самый момент, когда потеряла и своего мужа Сендаруса, павшего от руки Линана. Мертвый ребенок был одет, его тело пропитано бальзамирующими мазями, а самые страшные раны прикрыты покрывалом, пропитанным благовониями. Она будет лежать на алтаре королевской часовни, пока не придет сама Арива и не даст благословения на кремацию. Но Арива, по всем сведениям, уже больше суток не покидала своих покоев.

По окончании службы священники удалились выполнять свои обязанности, но Поул остался в часовне – на коленях перед алтарем, с искаженным в гримасе сосредоточенности лицом.

– Без имени твоего королевство не может быть защищено от зла, Владыка мой, – неистово шептал он. – Молю тебя, будь милостив к народу твоему. Молю тебя, будь милостив к королеве Ариве, которой выпали столь великие страдания. Молю тебя, прими душу этого ребенка под свою сень. И молю тебя, Господи, молю тебя, дай мне узнать имя твое, дабы стало возможно уберечь Гренду-Лир от всяческого зла, какое есть в мире сем.

Он ждал, что бог ответит ему, надеясь, что прощен за убийство своего предшественника – Гираса Нортема; без имени божьего Поул был примасом только по названию. Но бог, как всегда, безмолвствовал.

Дрожа от потраченных на молитву усилий, Поул неуверенно встал на ноги, обернулся и увидел ожидающего его в дверях часовни отца Роуна. Поул сглотнул, гадая, не слышал ли его

заместитель какую-то часть недавней молитвы. Лицо священника этого никак не показывало, и Поул позволил себе расслабиться.

– Отец? Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Я беспокоюсь за ее величество, – произнес Роун.

– Так же как и все мы, сын мой.

– Мне думалось, ей, быть может, захочется увидеться со мной, ведь я же ее исповедник, но... – Священник пожал плечами. – Но она никого не принимает, даже канцлера. – Он умоляюще посмотрел на Поула. – Ваша милость, вы много лет были ее исповедником до меня. Возможно, вы знаете королеву лучше, чем любой другой человек. Может быть, вам удастся разговорить ее?

Поул опустил глаза. Он, примас церкви королевства, даже не мог поговорить с богом. Какие же у него шансы завладеть вниманием Аривы? Он глубоко вздохнул, а затем кивнул.

– Я попытаюсь.

– Что именно вы и принц Олио делали с больными? – спросил Оркид.

– Исцеляли их, – ответил маг-прелат Эдейтор Фэнхоу. Двое мужчин сидели по обе стороны большого простого стола Оркида.

– Через Ключ Сердца?

– Да. Сначала его высочеству требовался маг для содействия в «канализировании» силы Ключа, но чем больше он его применял, тем сильнее Ключ настраивался на присутствие самого Олио. В конечном счете принц смог применять его самостоятельно.

– А что произошло в день пожара?

– Его препровождали обратно во дворец из доков: там он помогал бежавшим от пожара в старом квартале города. По дороге принц наткнулся на развалины таверны, где оказывали помощь наиболее пострадавшим при пожаре. Он приказал гвардейцам оставаться снаружи. Что именно произошло после этого, мы точно не знаем. Нет никаких сомнений, что он исцелил там множество людей, но неизвестно, сколько времени потребовалось Ключу, чтобы полностью завладеть им. К моменту, когда мне удалось добраться туда, он был уже в том состоянии, в каком находится сейчас.

– Ключ повредил его мозг?

Эдейтор пожал плечами.

– Никто не знает. Теургии известно о Ключах меньше, чем самим Розетемам. Не думаю, что какой-либо из Ключей когда-нибудь применялся столь усиленно, как это делал в последний год Олио.

– И теургия не знает никакого способа дотянуться до сознания принца, – сказал Оркид, не спрашивая, а констатируя факт.

– Совершенно верно.

– А вы?

Эдейтор резко поднял взгляд.

– Что вы имеете в виду?

– В последнее время вы были к принцу ближе всех. Как вы полагаете, существует ли что-нибудь, способное вернуть его?

Прелат покачал головой.

– Нет.

– Вы уверены?

– А чем, по-вашему, я занимался последние три дня? – огрызнулся Эдейтор. Оркид в удивлении отпрянул, а Эдейтор охнул, поняв, что наделал. – Прошу прощения, канцлер...

Оркид махнул рукой, заставляя его замолчать.

– Нет, это я прошу прощения. Вы сразу ответили на мой вопрос. – «В этом человеке есть нечто большее, чем известно Хариану; возможно, больше, чем известно любому из нас». А потом он понял, что из всего двора только сам Олио видел в прелате то, чем он был на самом деле. Это весьма многое объясняло в отношениях между ними. – Мне нужна ваша помощь.

– *МОЯ* помощь?

– Точнее, ваша помощь нужна королеве и королевству.

– Все, что в моих силах.

– Оставайтесь с Олио. Попытайтесь найти способ исцелить его. Используйте любые средства, какие вам только понадобятся.

– Я? Но наверняка ведь гораздо лучше подошел бы доктор Трион... или один из более могущественных магов. Я могу порекомендовать множество...

– Нет. Не думаю, что кто-нибудь из теургии сможет помочь. Или дело в том, что они боятся связываться с Ключами... Вы только что сами мне сказали, что их сила находится за пределами познаний магов. И эта трудная задача определенно за пределами опыта доктора Триона. Вы были к Олио ближе всех. И знаете его лучше, чем кто-либо другой, за исключением, возможно, самой королевы.

– Тогда, наверное, королеве и следует взяться за эту задачу.

– У королевы есть другие обязанности. Она нужна королевству. Ее ответственность перед народом перевешивает ответственность перед братом.

– Она так много потеряла за последние три дня, – резонно указал Эдейтор. – Мужа и ребенка, а также принца Олио. Думается, королевство должно дать ей время заняться собой.

– Она может потерять еще и королевство, – мрачно отозвался Оркид.

Эдейтор в изумлении уставился на канцлера.

– О нет!

– Наша армия все еще на севере, она одержала победу – если верить тому, что написала нам королева Чариона, – но понесла большие потери. Принц-изгнанник Линан перебрался из Океанов Травы на восток с армией четтов. Его следующим шагом, без всякого сомнения, будет формирование оппозиции против Аривы. – Он поджал губы. – И, конечно, против Олио, ведь он ее брат.

Эдейтор потерял дар речи. Он знал, что положение на севере тревожное, но при Ашарне королевство так долго находилось в безопасности!.. С трудом верилось, будто что-то могло действительно серьезно угрожать ему, хотя бы и ее сын-изменник Линан, который при жизни Ашарны никогда не являлся сколько-нибудь значительной фигурой при дворе. Эдейтору многое представлялось крайне загадочным, но больше всего его беспокоил вопрос, зачем Ашарна на смертном одре передала Линану один из Ключей Силы.

– Поэтому сами понимаете, – продолжал Оркид, – для всех жизненно важно, чтобы внимание Аривы полностью поглощалось заботами о благополучии королевства в целом.

– Да. Да, я понимаю.

– Тогда идем?

– Идем?

Оркид поднялся.

– В покои Аривы. Она ухаживает там за Олио.

Эдейтор понял, что уже сдал свои позиции, и продолжать спор не имеет смысла. Несколько ошеломленный, он последовал за канцлером, ощущая смесь страха и предвкушения. «Может быть, всего лишь может быть, – говорила часть его разума, – я смогу что-нибудь сделать». Ему бы хотелось быть более уверенным в этом.

Они достигли королевских покоев одновременно с отцом Поулом; Эдейтору показалось, что священник находился на грани нервного истощения, и он гадал, не выглядит ли так и сам.

Из них троих только иркид производил впечатление человека, у которого хоть что-то все еще под контролем, пусть даже только собственная его судьба.

– Я могу прийти позже, – начал было отец Поул, будто обрадовавшись, что у него появился повод удалиться.

Оркид быстро протянул руку, задержав его.

– Пожалуйста, отец, останьтесь. Возможно, нам троим удастся отвлечь королеву от ее горя.

Поул, казалось, сильно сомневался в этом, но кивнул. Оркид сделал знак стражу у двери Аривы оставить их одних, и когда тот ушел, позвал:

– Ваше величество, здесь кое-кто хочет видеть принца Олио.

– Кто может хотеть видеть моего бедного слабоумного брата?

Оркид взглянул на Эдейтора. Прелат набрал побольше воздуха в грудь и проговорил:

– Ваше величество, это прелат Фэнхоу. Мы с вашим братом были очень близки...

Его прервал глухой вопль:

– Ты! Это ты виноват в том, что я потеряла брата!

Эдейтор заметно поник, его кожа побледнела до мелового цвета. Он открыл было рот, но не смог ничего сказать. Как он мог ответить на такое обвинение? В глубине души он понимал, что в ее словах есть доля правды. Если бы он не поддержал инициативы Олио по исцелению больных и умирающих детей города Кендры, принц не стал бы жертвой магии Ключа Сердца. Когда они начинали этот эксперимент, то надеялись столь на многое! А теперь все эти надежды пошли прахом.

– Он был самым близким другом вашего брата! – поспешил вмешаться Оркид. – Если кто и может ему помочь, так это прелат.

– Я сама могу помочь ему, – парировала королева. – Никто не знает его лучше, чем я.

– Но ваше величество, вы нужны своему королевству! – отчаянно взмолился Оркид.

– Мое королевство может обойтись и без меня... – начала было Арива.

– Довольно! – крикнул отец Поул так, что и Оркид, и Эдейтор подскочили на месте.

На какой-то миг повисла полная тишина. В дверях вновь появился страж, но Оркид яростно махнул ему, веля удалиться.

– Да как вы смеете! – Арива пришла в себя, ее голос был полон гнева. – Я ваша королева, *ПРИМАС!* – В ее устах его титул прозвучал словно оскорбление.

– А я был вашим исповедником! – не замедлил с ответом Поул. – Как вы знаете Олио, так я знаю вас. И знаю: единственное, что оставалось неизменным всю вашу жизнь – это чувство долга!

– Ты *НИЧЕГО* обо мне не знаешь!

– Я знаю, что с самого детства вашим самым большим желанием было служить королевству так, как служила ваша мать.

Оркид и Эдейтор напряглись, ожидая еще одной гневной отповеди, но в покоях царило молчание. Отец Поул делал знаки Эдейтору, и прелат уловил: настала его очередь оказать на королеву давление.

– Ваше величество, я знаю, что вы вините меня в болезни вашего брата, но я искренне люблю его как друга и сделаю все от меня зависящее, использую всю магию всех теургии, чтобы найти средство от его хвори, какой бы она ни была.

Опять воцарилось молчание, а затем из темноты появилась Арива, похожая на призрак. На ней не было ничего, кроме нижней рубашки. Волосы растрепаны, лицо покрыто пятнами, глаза красные. Долгое время она пристально смотрела на Эдейтора, и прелат старался выдержать ее взгляд. Потом она взглянула на Оркида и Поула, но даже не пыталась «переглядеть» их. Эдейтору показалось, что на лице у нее отразилось что-то похожее на стыд.

– Если ты сможешь помочь Олио, я буду навеки у тебя в долгу, – произнесла она.

– Я помогу Олио, – просто сказал Эдейтор.

Оркид шагнул вперед.

– А вы, Ваше величество, поможете теперь вашему королевству?

Она глубоко вздохнула и сказала:

– Как помогала всю свою жизнь. – А затем устало улыбнулась ему. – Что вам прекрасно известно.

Горы, окружающие Пиллу, были скрыты низко нависающими серыми тучами. Марин, король Амана, стоял один на вершине сторожевой башни, которая была самой старой частью его королевского замка.

Порывы ветра развевали его волосы и сдували со щёк слезы. В правой руке он держал небольшой кусочек бумаги, доставленный почтовым голубем всего час назад. Послание это пришло от его брата Оркида и содержало рассказ о событиях, произошедших три дня назад. Не веря глазам, он прочел о страшной смерти своей внучки при преждевременных родах, а потом и о смерти Сендаруса, своего единственного, ребенка. И почувствовал, как вся вселенная замерла. Он попытался прочитать эти слова во второй раз, но смысл их не укладывался у него в голове.

А затем вселенная снова пришла в движение.

Придворные, чувствуя беду, спросили о содержании послания. Он холодным и негромким голосом ответил, и они тоже впали в шок, не в состоянии постигнуть смысла сказанного. Затем король встал с трона, приказал, чтобы никто не следовал за ним, даже его телохранитель, и поднялся на сторожевую башню, где и выплеснул свое горе.

Он оплакивал своего сына, свою неродившуюся внучку, свою давно умершую жену и любовь, которую они оба питали к Сендарусу. Наконец, он оплакивал себя, переполненный жалостью к самому себе. Именно это-то и вернуло его назад из темного омута, куда Марин погрузился с головой. Он ненавидел себя. Ненавидел за то, что жив, когда его любимый сын погиб. И было еще кое-что. До этого момента он всегда думал о Линане только как о еще одном орудии в своих честолюбивых замыслах возвеличивания Амана, но теперь принц-изгнанник стал убийцей Сендаруса, и Марин ненавидел его лютой ненавистью, которая поселилась в груди, подобно второму сердцу, давая новую жизнь.

Он спустился с башни, думая о том, что надо сделать для уничтожения Линана. И с мрачным удовлетворением сообразил, что часть необходимого уже осуществлена Амемун. Эта мысль заставила его резко остановиться. Амемун любил Сендаруса почти так же сильно, как и Марин, и ему нужно будет обязательно сообщить о случившемся. Внезапно снова нахлынула боль утраты, но он цепко держался за свою новую ненависть, и его разум очистился, как очищается летним пожаром старый сухой лес.

Старый аманит предельно вежливо улыбнулся и изящно принял левой рукой небольшой кусочек пищи. Благословив его во имя бога пустыни, он переложил кусочек в правую руку и отправил в рот. После чего сделал вид, будто с удовольствием жует, а потом проглотил целиком, подавляя подступившую к самой глотке желчь. Жара в шатре угнетала, его подташнивало.

– Хорошо! – провозгласил Амемун, и хозяин шатра, главарь племени южных четтов, у которого он оказался в гостях, оценивающе улыбнулся.

– Как наш уважаемый гость, ты по традиции должен отведать лучшее блюдо пира.

– Оно было весьма вкусным, – не моргнув глазом, соврал Амемун. «Молю тебя, Владыка Горы, удержи мой выворачивающийся желудок».

– Обычно его ем я как предводитель, – сказал хозяин шатра, но его тон придавал другое значение словам.

Тут уж пришла очередь Амемуна оценивающе улыбаться; теперь он стоял на более твердой почве. После долгих ужасающих недель на раскаленных безводных равнинах, покрывающих южную часть континента Тиир, он наконец нашел дорогу к этому человеку. По слухам, ходившим среди пастухов, живущих в приграничных землях между Аманом и пустыней, он был одним из самых великих вождей южных четтов. Его звали Декелон, и выглядел он так, будто ему не меньше ста лет: лысая голова, кожа цвета глины, запекшейся на солнце, слезящиеся карие глаза.

– Твое гостеприимство будет вознаграждено, – произнес Амемун.

– Так обычно и бывает, – сказал Декелон. Он жестом подозвал к себе сына и что-то прошептал ему на ухо. Сын кивнул и вышел из шатра, забрав с собой остальных отцовских родственников и домочадцев. – А теперь мы сможем поговорить. Ты проделал большой путь, чтобы встретиться со мной.

– Разве это столь странно? Твоя слава самого сильного и мудрого из всех южных четтов известна даже в Пилле.

– Есть две вещи, которые тебе следует знать, Амемун из Амана, – сказал Декелон, перейдя с напевного тона, каким приветствовал его при встрече, на более ровный и холодный. – Первое: когда мы с тобой наедине, лесть ни к чему; она не поможет твоему делу, каким бы оно у тебя ни было.

– Э... Ну, а второе?

– Мы не называем себя южными четтами, как будто мы всего лишь ветвь на большом и благородном древе.

– Понимаю. Каким именем мне следует называть твой народ?

– Мы называем себя саранахами.

– Саранахи? Мне незнакомо это слово.

– Оно из древнего языка и означает птицу, которая парит над океанами, редко касаясь земли, – объяснил Декелон. – Так же и мой народ лишь самую малость касается здешней земли. Мы живем в земле древней и бедной, и поэтому защищаем ее, удобряем как можем, собираем всевозможные ее дары, разводим коз и овец и возделываем широко разбросанные редкие делянки.

– Из какого древнего языка? – полюбопытствовал Амемун.

– Очень немногие из нашего народа знают его теперь, а на востоке он неизвестен вовсе.

– Это язык, на котором мы все говорили когда-то?

– Возможно.

Декелон пожал плечами. Его тон предполагал, что они собрались здесь для того, чтобы обсудить более важные вещи, чем мертвый и большей частью забытый язык.

Амемун глубоко вздохнул. Он проделал долгий и трудный путь, чтобы доставить это послание.

– Как ты говоришь, саранахи живут на древней и бедной земле. Возможно, вам пришло время найти более богатые пастбища?

Декелон остро посмотрел на него.

– Ты предлагаешь мне двинуться на восток, в Аман?

Амемун моргнул. Он не ожидал, что разговор будет таким прямым.

– Нет.

– Тогда *ЧТО* же ты мне предлагаешь?

– Чтобы ты двинулся на север.

Какой-то миг Декелон не понимал, но осознав, что именно предлагает ему Амемун, он разразился смехом.

– О, замечательная шутка. Мы, саранахи, разбросаны по всей этой земле мелкими племенами, а ты хочешь, чтобы мы двинулись на север и заняли Океаны Травы. Наши дальние

родственники, ненавистные четты, живут там огромными кланами. Как по-твоему, что они на это скажут?

– Они сейчас заняты иными делами, – легко возразил Амемун. – И кто знает, на что способны саранахи, если за ними будут стоять богатые друзья?

Лицо Декелона расплылось в широкой усмешке.

– Насколько богатые?

Амемун усмехнулся в ответ.

– Очень, – заверил он.

ГЛАВА 3

Салокан, король Хаксуса, медленно ехал по тропе, сторбившись в седле. Его собственное тяжелое дыхание заглушалось фырканием коня. Он вглядывался в темноту, силясь разглядеть какие-нибудь свидетельства присутствия врага, но видел только неясные очертания одиноко стоящих деревьев и низкого кустарника, который, казалось, нарочно вытягивал ветви в его сторону. Лицо короля было исцарапано в сотне мест; он ощущал на губах привкус крови. Услышав, как над ним просвистела стрела, он закричал, еще глубже вонзая шпоры в бока коня. Тот жалобно заржал и прибавил прыти. Впереди неясно вырисовывалась группа пехотинцев, и какой-то странный миг он не мог разобрать, стоят они или лежат, а затем увидел торчащие из их тел колючие стрелы и проехал прямо по ним.

Луна в вышине не отставала от него, и Салокан молился, чтобы она убралась прочь, чтобы ее разоблачающий свет погас. Он проехал под деревом, низко пригнувшись к шее коня. Ветка зацепилась за плащ и сорвала его, чуть не сбросив с лошади самого короля. Мышцы спины и бедер болели так сильно, что боль сливалась в одно целое. Еще одна группка пехотинцев – копыеносцы, на сей раз живые. Они в отчаянии воззвали к нему, когда он пронесся мимо, но он проигнорировал их.

Затем луна замерцала. Салокан рискнул поднять взгляд и увидел, что его лошадь следует по тропинке через рощу древесного терновника. Лесной полог становился все более густым, луна вообще исчезла. Он натянул поводья и отчаянно огляделся, высматривая, нет ли погони; не увидев ничего похожего, он спешился и увел коня с тропинки вглубь рощи.

Король шёл, пока не уверился, что его никто не увидит, если не окажется практически прямо перед ним. Переведя дух, он рассеянно проверил подпругу коня, а затем позволил себе отпить несколько глотков некрепкого красного вина из кожаной фляги, хранившейся в одной из седельных сумок. Конь беспокойно переступал на месте, но Салокан успокоил его, погладив по морде.

Он пытался понять, что же делать дальше.

Как долго можно таиться здесь – где бы ни было это «здесь»? Попробовать ли собрать уцелевших – или пуститься в путь самому, сделав отчаянную попытку добраться до безопасных пределов своего королевства? Но он не мог сосредоточиться на будущем. Сейчас у него получалось лишь одно: вновь и вновь вспоминать, как совсем недавно он, Салокан, король Хаксуса, с нетерпением ждал приближающегося ужина. Несмотря на недавний провал его попытки вырвать Хьюм из цепких лап Гренды-Лир, армия Салокана одержала несколько побед; они возвращались в Хаксус без потерь и с твердой решимостью совершить в недалеком будущем еще одну попытку. Он знал, что вскоре окажется на родной земле – со всеми вытекающими отсюда преимуществами, включая подкрепление и внутренние линии снабжения оружием и продовольствием. Близился закат, разведка доложила, что в полудне пути от их нынешнего местоположения есть прекрасное место для лагерной стоянки.

Он закрыл глаза, пытаясь избавиться от этих воспоминаний, но тщетно...

На левом фланге внезапно возникла какая-то суматоха. Сперва Салокан счел ее не более чем буйной перепалкой между несколькими копыеносцами, но затем шум усилился, и он заметил, что некоторые из копыеносцев покинули строй и перебегают перед ним дорогу. Он окликнул их, но они не обратили на него внимания. Король натянул узду и приказал одному из своих адъютантов съездить и выяснить, что стряслось; остальная свита столпилась вокруг него, а телохранитель следил, чтобы никто не подошел слишком близко. Салокану пришлось приказывать им расступиться, дабы он мог увидеть, что же происходит. Часть пехоты все еще двигалась в его сторону, но большая часть сохраняла походный строй и продолжала двигаться на север.

Однако разобрать, что происходит, было сложно, поскольку солнце уже садилось за горизонт, и ему удавалось в лучшем случае разглядеть очертания своих войск.

Вдалеке раздался вопль – и был тут же подхвачен другими голосами. На слух Салокана эти вопли казались страшно похожими на панические. Тут снова появился адъютант, красный и задыхающийся.

– На нас напали! – потрясенно крикнул он.

– Кто напал? – потребовал разъяснений Салокан.

– Некоторые из дозорных вернулись ранеными, а потом на пехоту обрушился град стрел. Мы не знаем, кто это. Всадники появились со стороны солнца, выстрелили в нас, а потом исчезли.

– Четты, – не веря себе, произнес Салокан. – Это могут быть только четты.

– По эту сторону ущелья Алгонка? – усомнился другой адъютант.

«Это я виноват, – сказал себе Салокан. – Это все моя вина. – Послать Рендла в Океаны Травы было все равно что разворошить осиное гнездо. Рендл ведь одно время был работорговцем, а работорговцев четты ненавидели больше всего на свете. Грандиозность совершенной ошибки ужаснула его. – Что я наделал?»

– Какие будут приказания? – спросил первый адъютант.

– Приказания? – Салокан ошеломленно посмотрел на него.

– Что нам делать? Как лучше развернуть армию?

– Армию... – произнес Салокан, едва шевеля губами. Он встряхнул головой, проясняя ее; да, он знал, что нужно делать. – Выставить лучников на левый фланг. Позади них поставить пехоту и кавалерию. И чтобы никто – слышите, никто – не пытался преследовать четтов. Пусть они сами подойдут к нам.

Адъютант кивнул и развернул коня, собираясь передать приказания – но в этот момент на короля и его свиту обрушился град стрел. Адъютант упал с лошади: стрела пронзила ему горло. Попадали и остальные. Раздались крики боли и удивления. Прежде чем Салокан успел собрать кого-то вокруг себя, с неба упал новый залп стрел. Потерявшие всадников лошади рванули прочь. Его собственный конь начал вскидывать голову. Он туго натянул узду и прищпорил коня, пустив его легким галопом, оставляя позади себя страшное смятение. Салокан попытался найти хотя бы одного из генералов – да вообще любого офицера, – чтобы организовать оборону, но было уже слишком поздно. Строй развалился, разрозненные солдаты разбегались в разные стороны. Он услышал позади дикий клич, оглянулся через плечо... и увидел группу конных стрелков-четтов, летящих галопом через разрыв в походном строю, стреляя на скаку, сметая все на своем пути.

Вот тогда-то Салокан и осознал, что раз и навсегда потерял свою огромную армию вторжения, и охвативший его солдат панический страх добрался и до его сердца. Он прищпорил коня, кинув его в галоп, и поскакал на север – прочь от ужасных четтов, прочь от собственной разваливающейся армии...

Теперь же он тяжело вздохнул и опустил голову чуть ли не к самому седлу, стыдясь своего бегства. Как мог он, Салокан, король Хаксуса, позволить себе поступить как обычный новобранец?

И в этот миг у него за спиной раздался треск, будто сквозь растительность ломилось что-то тяжелое. Салокан обеими руками зажал морду лошади и застыл. А затем услышал голоса. Хотя он не смог разобрать отдельных слов, акцент не вызывал сомнений. Четты прочесывали рощу в поисках уцелевших. Он чуть снова не поддался панике, но вовремя взял себя в руки и как можно тише повел коня обратно к тропинке. Четты так шумели, что не могли его услышать. Едва выбравшись из самых густых зарослей, он снова сел верхом, пригнулся к седлу и пустил лошадь быстрым шагом. Шум поисковой группы остался позади, и он прищпорил коня, пустив его кентером. А потом опять выглянула луна. Он выезжал из ооци. В этот момент

впереди и слева от него раздался громкий крик. В седле как по волшебству появилась стрела, вонзившаяся на расстоянии пальца от его колена; другая угодила в волосы. Он всадил шпоры, и конь рванул галопом. Салокан держался изо всех сил, каждое мгновение ожидая почувствовать пробившую спину стрелу. Он горько сожалел о том, что вообще покинул Хаксус, сожалел, что осаждал Даавис, что отправил Рендла в Океан Травы за принцем Линаном. Но горше всего он сожалел о том, что на континенте Тиир вообще существуют четты.

Конь споткнулся, сумел выправиться, но замедлил бег. Салокан терзал его шпорами, стегал поводьями, но проклятая скотина, видно, твердо решила его погубить. Конь споткнулся вторично, упал и отправил короля кувырком на твердую землю. Долгий миг Салокан лежал, тяжело дыша. Странные звуки, похожие на шум при молотье, заставили его сесть. Конь его оставался на боку, дрыгая в воздухе двумя ногам; две другие – сломанные – бесполезно шевелились в траве.

Не думая, он встал, обнажил меч и с силой обрушил его на шею лошади. Животное дернулось, а потом замерло. Ему с самого детства втолковывали, что нельзя заставлять животных страдать. «А как насчет меня? Как насчет всех моих солдат?» Одна из седельных сумок лопнула по шву, и его походная корона – простой золотой венец – выпала на землю. У короля бессильно опустились руки, а острие меча ткнулось в землю. Он больше не хотел убегать. Или сражаться. Или бояться.

Он скорее почувствовал, чем услышал, как его окружает враг. Он ожидал, что вот сейчас его тело пронзят стрелы. Ночной воздух становился прохладным, испаряя пот, заставлявший его лицо и руки блестеть в лунном свете. Когда спустя долгое, как ему показалось, время ничего не произошло, он поднял голову. Десять верховых четтов брали его в кольцо.

– Кончайте с этим, – надменно обронил Салокан и поднял руки так, чтобы их стрелы вонзились ему прямо в сердце и легкие.

– Ты задержался, чтобы убить свою лошадь, – произнес один из четтов.

– Попытайся я убежать, вы бы меня догнали и затоптали, – ответил Салокан, пытаясь влить в свой голос презрение и насмешку.

– Верно, – признал четт. Он кивнул в сторону мертвого животного. – Это была твоя лошадь?

– А ты как думаешь? – ответил Салокан настолько язвительно, насколько ему удалось.

К его удивлению, четт усмехнулся и спешился. Он обнажил саблю, и Салокан отступил на шаг, автоматически поднимая свое оружие, чтобы отразить атаку. Но четт оставил короля без внимания и воспользовался саблей, чтобы подцепить корону.

– И это тоже твое?

Салокан отказался отвечать. Он знал, что ему предстоит умереть, и совсем не собирался и дальше развлекать этих варваров.

– Мой друг задал тебе вопрос, – произнес новый голос у него за спиной.

Салокан обернулся. Он не был уверен, кто именно обращался к нему, но что-то в позе самого невысокого из всадников приковало его внимание. Широкополая шляпа была надвинута на глаза четта, и Салокан не мог разглядеть его лица.

– Я – Салокан, король Хаксуса. И не разговариваю с пастухами.

Невысокий четт легко спрыгнул с лошади и направился к Салокану, остановившись не более чем в двух шагах от него. Он поднял подбородок и сдвинул шляпу на затылок.

Салокан так и ахнул. Явленное ему лицо принадлежало отнюдь не четту. Более того – в чертах лица коротышки проглядывало что-то не совсем человеческое. Бледная как лунный свет кожа слегка блестела, словно выточенная из кости. От правого уха до самой челюсти тянулся страшный шрам. А холодные карие глаза походили на волчьи.

– Меня зовут Линан Розетем.

От удивления Салокан не мог вымолвить ни слова. Как это создание может быть принцем Гренды-Лир?

– Я хотел бы поговорить с тобой по поводу некоего наемника по имени Рендл, – продолжал коротышка, сделав шаг вперед.

Позже Салокан так и не вспомнил, что же побудило его к действию, но смесь страха и ненависти заставила его поднять меч и обрушить в могучем ударе.

А в следующий момент меч, крутясь, вырвался у него из руки и улетел в ночь. Король охнул от боли и схватился за кисть. Кровь так и хлестала из обрубков, оставшихся от трех пальцев. Бледный принц держал в руке саблю. Салокан никогда не видел, чтобы кто-то так быстро двигался.

– Моя рука!.. – закричал он, а потом закашлялся, когда острие сабли принца уперлось ему в горло.

– Ты хочешь умереть, Салокан, король Хаксуса? – спросил Линан Розетем.

Салокан не хотел отвечать. Не хотел показать этому странному созданию и его воинам-четтам, насколько он испуган. Но боль была нестерпимой; он чувствовал, как кровь, горячая и скользкая, стекает по его запястью, и чувствовал острие сабли, покалывающее ему трахею.

– Нет, – слабо промолвил он.

Линан Розетем убрал саблю и улыбнулся.

– Хорошо. Мне понадобится губернатор для соблюдения моих интересов в моей новой провинции Хаксус.

ГЛАВА 4

Для этого времени года рассвет был довольно прохладным. Эйджера, который считал, что уже привык к холоду, пробирала невольная дрожь. Он смотрел на слегка всхолмленный пейзаж Хьюма, стараясь замечать только леса, ручьи да разбросанные фермы, но не мог не видеть валяющихся повсюду тел. Там, где хаксусская пехота пыталась оказать сопротивление и была скошена волнами стрел, следующими одна за другой, тела лежали аккуратными штабелями; там же, где разбегающиеся колонны истреблялись солдат за солдатом, тела лежали длинными неровными цепочками. По окровавленным головам и рукам прыгали вороны, расклеывая глаза и пальцы. Когда с наступлением дня потеплеет, налетят мухи и будут роиться над телами.

Эйджер снова задрожал. «Это из-за холода», – сказал он себе.

Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку. Вчера в это же время он ожидал, что Линан, разбитый армией Аривы и подавленный смертью Камалы, отступит, наверное, аж в Океаны Травы. А принц вместо этого перешел в наступление. Ночь была долгой и кровавой, а закончилась полным уничтожением армии Салокана. Четты одержали победу, нужную им для восстановления боевого духа и уверенности в своих силах.

Он знал: это сражение назовут Ночным побоищем. Такие битвы случались редко – командиры бояться потерять в темноте контроль над войсками, бояться, что полки и знамена могут по ошибке атаковать своих. Но Линан воспользовался преимуществом, подаренным ему двумя обстоятельствами – в то время как у Салокана почти не осталось кавалерии, все его воины были всадниками и потому знали, что любой пеший – это враг; а полная луна стояла в небе много часов.

Эйджер невольно ощутил некоторое сочувствие к противнику, но тут же сказал себе, что Хаксус издавна был врагом всех, кто живет на юге континента Тиир, и основной базой работорговли, от которой некогда пострадали четты, в том числе и клан Океана.

«Мой клан», – напомнил он себе.

Мофэст подъехала к нему и мягко сжала его руку чуть выше запястья. Эйджер ответил таким же пожатием и глубоко вздохнул.

– Скольких мы потеряли?

– Не больше тридцати, – ответила Мофэст. – Но в их число входят все взрослые члены семьи Делена. Столкновение с кавалерией Хаксуса захватило их врасплох, и всех порубили прежде, чем они успели опомниться.

– Сколько осталось детей?

– Трое. Их заберут к себе дяди и тетки.

Эйджер устало кивнул.

– Тяжелый удар для ребенка потерять сразу столько близких.

– Ничего, – жестоко усмехнулась Мофэст. – Гораздо больше детей Хаксуса стало сиротами прошлой ночью.

Совесть горбуна восстала против такой кровавой радости, но он знал, что упоение в бою свойственно четтам как никаким другим известным ему людям – а ведь Эйджер почти всю жизнь был солдатом.

– Это было так же, как воевать под командованием Генерала? – спросила Мофэст.

– Генерала?

– В Невольничьей войне, – напомнила она.

Эйджер удивленно фыркнул. Хотя он провел много лет, вспоминая свое участие в Невольничьей войне и чтя память Генерала – Элинды Чизела отца Линана, вопрос Мофэст

заставил его понять, что он ни разу не вспоминал о тех временах с того самого вечера, когда впервые повстречал Линана.

– Да, полагаю, это было очень похоже. Возможно, тогда было больше причин ненавидеть и больше причин сражаться... – Голос Эйджера стих, когда он осознал, что говорит.

Мофэст странно посмотрела на него.

– Думаешь, Белому Волку не следовало идти с армией на восток?

Он покачал головой и тихо ответил:

– Нет, так я не думаю.

Эйджер не добавил, что во время Невольничьей войны ни разу не усомнился по поводу того, правильно ли поступает – но сейчас, когда он был частью армии, которая надеялась свергнуть законного правителя Гренды-Лир, его одолевали сомнения. Он осознавал политическую необходимость вторжения, понимал, что Линан не виноват в тех действиях, на которые толкнули его Оркид и Деджанус, убив Берейму – старшего сына и наследника Ашарны – и обвинив в убийстве его. Однако от этого Эйджеру не становилось легче идти войной против королевства, которому он так долго служил. Возможно – всего лишь возможно, – Камаль, для которого служба законному правителю Гренды-Лир была делом всей жизни, погиб именно тогда, когда погиб, как раз потому, что Бог был еще милосерднее, чем когда-либо предполагал Эйджер.

А что касается этой бойни, уничтожившей армию Хаксуса, исконного их врага, он невольно задавался вопросом: нельзя ли было позволить Салокану убежать домой, поджавши хвост? Хаксус никогда не представлял собой серьезной угрозы самой Гренде-Лир, он скорее досаждал, чем причинял неудобство. Забавно, но Камаль не стал бы даже рассматривать подобную возможность: для него все доводы сводились к тому, что Хаксус – враг, а врагов положено убивать.

«Но я не генерал, не будущий король и не Камаль Аларн. Я – Эйджер Горбун. И не разбираюсь в подобных вещах».

В полдень Линан созвал еще один совет. Настроение вождей заметно отличалось от вчерашнего. Когда у них спрашивали совета, все они, в свою очередь, интересовались, чего именно ждет от них Линан. Эйджеру показалось, что Линана удовлетворяет подобный отклик, и это заставило его ощутить беспокойство. Но когда принц попросил и его высказать свое мнение, он мало что мог предложить.

– У нас есть два варианта, – начал он.

– И какие же? – поторопил его Линан.

– Вновь переключить внимание на королевство, напав на остатки армии Аривы или на Даавис, либо отступить через ущелье Алгонка и пересмотреть свою стратегию.

Линан кивнул, словно соглашаясь.

– Никто не хочет добавить свои соображения?

В ответ прозвучали приглушенные отказы. Даже Коригана и Эйнон, казалось, согласились забыть свою вражду и ждать, что скажет Линан. Он принес им великую победу, наверное, самую великую за всю историю четтов. Он был сыном Генерала. Да еще и вернувшимся Белым Волком. Кто они такие, чтобы сомневаться в нем?

Линан повернулся к Дженрозе.

– А что говорят маги?

Дженроза удивленно взглянула на него:

– Они ничего не говорят по этому поводу.

– Они спрашивали землю? – настаивал он.

– Земля безмолвствовала.

– Спрашивали ли они орла и карака?

– Орлу и караку нечего было нам показать.

Линан быстро взглянул на женщину, сидящую за спиной Дженрозы. Подытоживающая, наставница Дженрозы, кивнула, подтверждая ее слова. Эйджер заметил этот обмен взглядами и жестами и обиделся за Дженрозу – но потом виновато сообразил, что Линан помнит: Дженроза до сих пор под сильным впечатлением от смерти Камалья и могла не понять показанного ее же магией.

– Нам нужна база по эту сторону гор Уфери, – начал Линан.

– Если мы захватим Даавис, у нас будет такая база, – беспечно предложил Гудон, и многие рассмеялись.

– Наша армия состоит из кавалерии, – продолжал Линан. – У нас нет ни людей, ни средств для штурма города.

– Ты предлагаешь построить такую базу в Хьюме? – поинтересовался Эйджер, противясь искушению добавить, что для этого у четтов также нет средств.

– Нам нужно нечто более безопасное, более долговременное, – ответил Линан.

– Тогда что именно ты предлагаешь? – в свою очередь поторопил его Эйджер.

– Ты сказал, что у нас есть два варианта. – Линан улыбнулся ему. – Либо двигаемся на юг, либо двигаемся на запад. А есть еще и третий.

Эйджер с миг непонимающе смотрел на Линана – а затем замер от удивления. Ответ был настолько очевидным, что он ощутил себя полным болваном, что не додумался до него раньше. И увидел по лицу Коригоны, что она тоже поняла.

– Хаксус, – произнес Эйджер.

– Да. Мы разбили его армию. Захватили в плен его короля. Хаксус открыт для нас... если мы двинемся туда достаточно быстро.

– Нам нужно только войти и взять его! – провозгласил Эйнон. – Все королевство падет к нашим ногам из-за единственной битвы!

Линан покачал головой.

– Королевство не падет из-за потери короля, – сурово сказал он. – Гренда-Лир за одну весну потеряла мою мать Ашарну и моего брата Берейму, но тем не менее выжила. Однако в Хаксусе у нас больше шансов, чем на юге, в Хьюме. Возможно, из Кендры прямо сейчас движется на север еще одна армия, готовая присоединиться к уже стоящей в провинции. Гренде-Лир есть откуда почерпнуть новые силы. У нее огромные ресурсы.

– В отличие от Хаксуса, – закончил Эйджер.

– К тому же у Хаксуса есть войска, опыт и саперы, которые понадобятся нам для осады крупнейших городов Гренды-Лир.

– Таких, как Даавис, – предположил один вождь, улыбаясь, как возбужденный ребенок.

– Таких, как Даавис, – согласился Линан. – И как Спарро и Пилла, а в один прекрасный день – сама Кендра.

– А он честолюбив, этот ваш принц, – отметила Подытоживающая.

– Нельзя проявить большего честолюбия, чем возжелать престол Гренды-Лир, – согласилась Дженроза.

Она сидела рядом с кругом, нарисованным на темно-коричневой земле Хьюма. «Хорошая земля», – подумалось ей. Почва здесь напоминала землю деревни, в которой родилась Дженроза. Охваченная внезапным приступом жалости к себе, она пожалела о том, что вообще когда-то покинула деревню, но почти сразу же мысленно обругала себя. Она ненавидела свое детство, мать, отупевшую от постоянного пьянства; не то умершего, не то сбежавшего отца. Лучшее, что могло ее ждать – это закончить свои дни женой какого-нибудь фермера.

В некоторых отношениях, подумала Дженроза, такая судьба была бы предпочтительней, чем та, которая выпала на ее долю. Она была изгнана из Кендры – города, который всегда считала своим домом, и потеряла Камалья – единственного мужчину, которого когда-либо по-

настоящему любила. В довершение всего она боялась, что маги четтов стали видеть в ней Правдоречицу – великого мага, который появляется раз в два-три поколения. Единственное, о чем мечтала Дженроза, так это о тихой жизни, при которой она могла бы применять свои скромные, как она некогда считала, способности для получения равно скромного дохода. Она хотела вести тихую и удобную жизнь, которую не затрагивали бы волнения и тревоги внешнего мира.

А потом появился Линан. Сначала она связала свою судьбу с ним по необходимости, а потом из-за искренней привязанности. Недолгое время их было четверо – Линан, Дженроза, Камаль и Эйджер, – и хотя тогда жизнь была полна опасностей, простая цель – выжить – связала их прочными узами. Но сейчас один из них погиб, все время Эйджера занимал целый клан, а Линан...

Дженроза вздрогнула.

Линан стал чем-то большим и, наверное, чем-то меньшим, нежели человек, – и виновата в этом была она. Она спасла его жизнь, дав ему кровь вампириши Силоны, и, сделав это, изменила судьбу целого континента. Дженроза гадала, следует ли ей гордиться тем, чего она, обыкновенная ученица-магичка из Теургии Звезд, сумела достичь. Но вместо гордости она ощущала только парализующий ужас, который в сочетании с горем от потери Камалья заставлял ее чувствовать себя впавшей в летаргию и неспособной что-либо понять.

– Я не это имела в виду, – спустя какое-то время сказала Подытоживающая.

Она сидела с противоположной стороны круга, начерченного Дженрозой на земле.

Дженроза подняла на нее взгляд.

– Ты говоришь о вторжении в Хаксус?

Подытоживающая кивнула.

– Если Линан захватит и Хаксус, и трон сестры, он станет первым правителем всего континента Тиир.

– Это так важно?

Подытоживающая не ответила, а вместо этого принялась взывать к земле. Дженроза автоматически присоединилась к ней. Их голоса слились. Казалось, они плетут путь в окружающем их воз-Духе. Между ними на мгновение закружился смерч – а потом исчез. Дженроза сморгнула пыль и посмотрела на круг. В пыли появился намек на слова... растворился и появился вновь.

– Правитель, – прочла вслух Дженроза.

– Тиран, – добавила Подытоживающая.

– Женщина.

– Она владеет Ключами Силы.

– Мертвый город.

– Цена.

Вновь появился смерч и уничтожил круг. Две женщины во внезапном изнеможении откинулись назад, глаза их были закрыты. Когда Дженроза открыла глаза, Подытоживающая очень серьезно смотрела на нее.

– Ты думаешь, что там был ответ, не так ли?

Это было больше обвинением, чем вопросом.

– Ты Правдоречица, – сказала Подытоживающая. – Вот ты мне и скажи.

– Я не верю, что мы видели будущее.

– И я не верю. Магия определяет нашу судьбу не больше, чем возможность разглядеть далекий край с горной вершины означает, что однажды ты туда попадешь. Магия дает нам мельком увидеть обрывки истории – прошлого, настоящего и будущего. – Подытоживающая взяла Дженрозу за руку. – Только Правдоречица может истолковать эти отрывочные картинки из истории, извлечь из них истинное значение.

– Я не верю, что мы видели будущее, – повторила Дженроза, высвобождая свою руку из руки Подытоживающей. – И не верю, что я – Правдоречица. Я не четтка.

– Все мы четты, – без иронии сказала Подытоживающая.

Армии Линана потребовалось пять дней, чтобы добраться до границы Хаксуса. Выдвинутые далеко вперед и в стороны разведчики быстро обнаружили форт, созданный Салоканом в качестве места сосредоточения войск для вторжения в Гренду-Лир. Здесь он также держал подкрепления, в основном тяжелую пехоту вместе с несколькими эскадронами легкой кавалерии для разведки и службы в дозоре. Разведка четтов доложила, что командир форта был ленив и чрезмерно самонадеян: ворота оставались незапертыми, а немногочисленные дозоры сменялись строго по часам, благодаря чему не составляло труда спланировать нападение с учетом их передвижений.

Так как это был форт, армии Линана требовалось быстро захватить его – или же оказаться вынужденной вести осаду, к которой у четтов не лежала душа и на которую Линан не мог позволить себе тратить время. Не мог Линан и рисковать, продвигаясь вглубь Хаксуса и оставляя у себя в тылу такие крупные вражеские силы. А выделять на прикрытие тыла целое знамя ему не хотелось. Форт требовалось взять внезапным ударом, и Линан планировал начать штурм задолго до рассвета. Если все пойдет хорошо, то к восходу солнца его всадники уже займут крепость, а если плохо – у армии будет целый день для отступления на безопасное расстояние. Он отдал приказ произвести основную атаку своим Красноруким под началом Гудона – они были обучены драться короткими мечами, а когда штурмующие ворвутся в форт, лошади будут больше мешать, нежели помогать. За ними последует Эйджер с кланом Океана – воинами, которые уже проявили себя как самые твердые и фанатичные из четтов. Под командованием у Эйджера будут также остатки улан – знамя, жестоко потрепанное в столкновении с рыцарями Двадцати Домов Кендры. Коригана и Эйнон возглавят остальные знамена, чья задача будет состоять в уничтожении любых войск за стенами форта и постоянном обстреле его стен.

За два часа до рассвета разведка доложила Линану, что вражеский дозор уничтожен и заменен его собственными всадниками. Перед тем как приказать знаменам и их командирам занять свои позиции, принц распорядился привести к нему Салокана. Король был худ и бледен, а его правая рука забинтована до самого запястья. По приказу Линана с момента его захвата в плен с ним никто не разговаривал, никому не позволялось и оскорблять его. На данном этапе он являлся перевозимым имуществом, и Линан хотел, чтобы он это понял.

– У этого форта есть название? – поинтересовался Линан.

Салокан сморгнул, прогоняя сон, и пригляделся к стенам форта.

– Тайперта, – определил он.

– Так звали твоего отца, не так ли?

Салокан кивнул.

– Этот форт очень крепок. Вы не сможете его взять.

– Правда? – Линан выгнул брови. – И что же ты предлагаешь?

– Не думаешь же ты, в самом деле, что я стану тебе помогать?

– Ты можешь приказать гарнизону покинуть форт и сдаться.

Салокан ничего не ответил, но встал чуть более подтянуто, выпятив подбородок. За время, прошедшее с Ночного побоища, к нему частично вернулась смелость. Линан выглядел разочарованным.

– Как я и ожидал. – Он повернулся к командирам. – Пленных не брать. Вырезать всех. – Он встретился взглядом с каждым из командиров; только Эйджер, казалось, был расстроен таким приказом, но ничего не сказал. Принц повернулся к Салокану. – Ты останешься здесь, рядом со мной, и будешь смотреть.

Для пушей незаметности Гудон, Эйджер и их эскадроны прошли первые две трети расстояния до форта спешившись. Двойной цепью они прокрались по низинам и вокруг холмов, пока не достигли природной впадины всего в лиге от форта, приведенные туда разведчиками, переодетыми дозорными Хаксуса. Там Краснорукие сели на лошадей и образовали две длинные цепи. По совету Эйджера на случай, если их атака столкнется с кавалерией Хаксуса, а также для поднятия боевого духа отряда, подавленного смертью его командира Камалю, Гудон выстроил улан перед Краснорукими и отдал их под командование своему брату Макону. Они будут первыми в атаке; их задача – рассеять любую вражескую конницу, а затем раздаться в стороны, дав Гудону и телохранителям доступ к воротам форта. За Краснорукими Эйджер построил собственных воинов – единственных четгов в армии Линана, которые сражались все вместе одним кланом, и единственных, кого наряду с Краснорукими Эйджер обучил сражаться пешими.

Гудон и Эйджер быстро обнялись и сели на лошадей. До рассвета и смены хаксусских дозорных оставалось тридцать минут, когда Гудон дал приказ атаковать.

Вытянувшись пятью длинными цепочками, несколько утратившая стройность кавалерия выбралась из впадины. Едва достигнув ее края и ступив на ровную землю, уланы кентером рванули вперед. Гудон медленно досчитал до тридцати, затем приказал Красноруким тоже ехать легким галопом. К этому времени они находились уже всего в лиге от стен форта, и он разглядел, как хаксусские часовые в панике носятся на высоких стенах. Гудон посмотрел налево, потом направо, оглядывая ряды, стремительно несущиеся вперед, и проследил за тем, как его всадники сдерживали лошадей, не давая им раньше времени ринуться в атаку. Дальше в поле темнели массы знамен под командованием Кориганы и Эйнона, что мощно хлынули вперед. Он видел, как Макон взмахнул саблей, подавая сигнал; уланы перешли с кентера на атакующий рывок, держа длинные копыя наперевес; их ряд все еще оставался плотным. Гудон улыбнулся увиденному и подивился работе, проделанной Камалем. А затем настала его очередь. Он тоже взмахнул саблей и пустил лошадь галопом. Краснорукие ринулись за ним, в один голос издав боевой клич.

Гудон видел, что ворота форта до сих пор зияют, словно распахнутая пещера. Выбежало несколько солдат, но ни один даже не попытался закрыть их. Потом кто-то, похоже, навел порядок, и защитники форта стали толкать две огромные деревянные створки на место. У Гудона свело желудок – он сообразил, что Краснорукие не успеют помешать им – и затем с восторгом увидел, что Макон не свернул, как было намечено, а повел улан прямо к воротам. Пехота Хаксуса рассыпалась перед ними, и уланы ворвались в форт; через какие-то секунды Гудон и его воины последовали за ними.

Как только миновали ворота, Гудон убрал саблю в ножны, спешился и выхватил короткий меч. Несколько вооруженных противников уже разбежалось в разные стороны, а остальные все еще оставались в палатках или только-только выскакивали, пошатываясь, полуодетые, теряясь в догадках, что означает весь этот шум. Гудон поручил одному эскадрону охранять вход, в то время как остальные рассыпались и начали резню. Сначала он стоял поодаль, заботясь об усилении натиска всюду, где возникало впечатление, что защитники начинают организованное сопротивление, но когда появился сам Линан, Гудон сдал ему командование и бросился в бой, упиваясь переполнявшей его неистовой яростью.

Линан заставил Салокана наблюдать за побоищем. Резня продолжалась почти все утро, и в последние часы дело сводилось всего лишь к окончательной зачистке, при которой разбежавшиеся кто куда вражеские солдаты извлекались из своих укрытий или из груды тел, где они приотворялись мертвыми. Когда все было закончено и не осталось ни одного живого врага, Линан вместе с Салоканом прогулялся по форту. Было пролито столько крови, что земля покрылась красной грязью, налипающей на носки королевских сапог. Салокан пытался не смотреть

на убитых – но куда бы он ни поворачивал голову, ему попадались на глаза тысячи его солдат, превратившихся в падаль. Он закрыл глаза – но продолжал чувствовать запах крови и дерьма, слышать тяжелое дыхание измотанных в бою четтов. В конечном итоге он стал больше бояться темноты, чем света. Закончив экскурсию, Линан наклонился к Салокану и прошептал ему прямо в ухо:

– Я сделаю то же самое с каждым фортом и лагерем, с каждой фермой и деревней, с каждым городишком и городом в Хаксусе, которым ты не прикажешь сдаться. И каждый раз ты будешь стоять рядом и смотреть.

Дженроза отказалась войти в форт. Она слышала жужжание мух на расстоянии сотни шагов. Ее затошнило. Она отвернулась, но что-то не дало ей уйти. Она застонала.

– Мы должны снова выслушать землю, – настойчиво сказала она Подытоживающей.

Вдвоем встав на колени, они нарисовали круг, но прежде, чем успели воззвать к земле, ручеек крови из форта дополз до его границы и начал заполнять обведенную площадь. Подытоживающая вскрикнула и попыталась стереть круг, но Дженроза схватила ее за руку.

– Дай ему закончить, – приказала она.

И в ужасе наблюдала за тем, как круг стал разбухшим красным диском. Она призвала землю, и возникший смерчик забрызгал кровью их лица. В луже образовались слова. Дженроза прочитала вслух:

– Красный государь.

Она ждала, когда Подытоживающая произнесет слова, которые увидела, но губы четтки были плотно сжаты – казалось, будто невидимые пальцы крепко схватили ее за челюсть.

– Красная женщина, – неуверенно продолжила Дженроза. Подытоживающая по-прежнему не хотела – или не могла – говорить.

– Красный город.

А потом вернулся смерчик, снова забрызгал кровь и завершил заклинание. Подытоживающая вскрикнула от боли и потрясения. Тяжело дыша и шатаясь, Дженроза вскочила на ноги и закричала. Она кричала от гнева, яростно стирая с лица кровь и слезы.

Линан находился в роще, где даже солнечный свет казался жидким и зеленым. Не было слышно ни звука; насекомые и птицы молчали, хотя все кустарники и деревья казались готовыми ожить. Он лежал на спине. Он чувствовал запах травы, сладкой и молодой, а под ней – почвы, черной и влажной. Ветер над ним шуршал в пологе листвы. Он смотрел на свое тело, восхищаясь его жесткой белой кожей. Оглядывая себя, он заметил три Ключа Силы. Он отодвинул в сторону Ключ Единения и Ключ Меча – и перед ним оказался Ключ Скипетра, Ключ Монарха. Удивившись, он сел. Когда же это он его получил? Кто дал ему этот Ключ?

Он поднял его повыше, чтобы лучше рассмотреть, – и, вздрогнув, уронил. Ключ был весь в крови. Он сдернул с шеи цепочку и со всей силы отбросил Ключ прочь. Тот проплыл по воздуху, замедлил полет, а потом и вовсе остановился, повиснув в пустоте.

– Он мой, – сказал слишком знакомый голос.

Линан высматривал ее среди деревьев.

– Я дала его тебе на хранение, – продолжала она.

– Я не буду завоевывать для тебя трон, – отказался он.

Силона звонко расхохоталась; смех доносился отовсюду, словно смеялся сам лес.

– Ты все для меня сделаешь, – заливаясь колокольчиком, пообещала она.

ГЛАВА 5

Прервав обход городских стен, королева Чариона остановилась взглянуть на свою столицу. Даавис превратился в город, дома которого, лишённые камня и дерева, пущенного на ремонт стен, выглядели словно пустые черепа. Всюду она видела своих людей, снующих как муравьи – ремонтирующих городские стены, пополняющих запасы еды и оружия, заботящихся о живности, толкающих тележки и тянущих фургоны – и держащихся в стороне, не будучи в состоянии помочь в работах по молодости или преклонности лет.

Парки и сады были превращены в поля и загоны; крупный рогатый скот забит, а мясо высушено и засолено. Овец и коз оставили в живых ради молока и шерсти, а также в качестве живого запаса мяса. Были вырыты новые резервуары, загипсованы и отмыты до белизны, а затем наполнены водой из реки Барды. Металлические чаши, кружки, столовые принадлежности и ювелирные украшения были собраны и переплавлены в наконечники стрел и копий, в мечи и кинжалы. Параллельно городским стенам рылись новые траншеи, чтобы можно было быстро подвести контрмины под вражеские подкопы. Длинные ряды пожилых женщин рвали ткань на полосы, отбеливали их в баках с мочой, сушили и сворачивали в бинты.

Чариона глубоко вздохнула. Она руководила всей этой деятельностью, отслеживая все сопутствовавшие ей бесчисленные мелочи. Она не могла вспомнить, когда ей в последний раз удалось поспать больше двух часов кряду, и знала, что по ней это становится заметно. Она стала еще более раздражительной и язвительной, чем обычно; еда на вкус напоминала ей опилки, а вино – тошнотворно солоноватую воду. Она уже бог знает сколько времени носила одно и то же платье, пожертвовав на нужды города большинство своих нарядов, не говоря уже о кастрюлях и посуде из дворцовых кухонь. Она даже приказала отправить на распилку почти всю дворцовую мебель, чтобы древесину можно было пустить на стрелы и древки копий или на строительство стен.

Но она не жаловалась. Уже второй раз за два месяца ее народ вынужден готовить город к осаде – и она не слышала ни слова критики, ни звука недовольства. Как же могла королева отстать от своих подданных?

Она глянула вниз и обратила внимание на рабочих, копошащихся в одном из контрминных рвов.

– Фарбен! – закричала она, и все в радиусе сорока шагов внезапно застыли.

То есть все, кроме Фарбена, который спешил к ней, пробираясь из задних рядов ее свиты.

– Ваше величество?

– По-моему, я приказала сделать траншеи глубиной по меньшей мере в два шага, не так ли?

– Определенно приказали, ваше вели...

– Тогда почему же эта траншея глубиной решительно *МЕНЬШЕ* двух шагов?

Рабочие внизу обеспокоено переглядывались. Фарбен ломал руки.

– Не знаю, ваше вели...

– Тогда спустись и выясни! – приказала она, и Фарбен поспешно побежал по ближайшей лестнице вниз, к местному десятнику – рослому волосатому мужчине, хмуро смотревшему на него.

Чариона наблюдала за тем, как спорили двое мужчин. Потом десятник сердито схватил мерный шест, сунул его в траншею, вытащил и помахал им перед носом Фарбена. Тот издал вздох облегчения и поторопился вернуться на стену.

– Ну? – потребовала ответа королева.

Фарбен обливался потом от страха и нервного напряжения.

– Она действительно глубиной в два шага, ваше величество.

Чариона выглядела удивленной.

– В самом деле? – спокойно произнесла она, нагнувшись вторично посмотреть на траншею.

Фарбен энергично закивал.

Чариона хмыкнула и продолжила обход, поминутно выкрикивая замечания, которые тщательно за ней записывались:

– Здесь нужно больше камня... переведите рабочих с резервуаров на траншеи... в этом квартале не хватает полотна для навесов...

И так далее, пока не завершила полный обход стен, закончив его у северных ворот. Затем она распустила свиту и еще раз огляделась вокруг, с облегчением замечая, что ремонт уже почти закончен. Больше всего ее беспокоило, что Линан мог напасть до того, как будут ликвидированы все повреждения, нанесенные Салока-ном при штурме Даависа. Сейчас же казалось, что город подготовлен лучше прежнего. Может быть, сегодня ночью она даже позволит себе поспать часа четыре.

Прежде чем спуститься со стен, она посмотрела на север, окидывая взглядом слегка всхолмленные сельскохозяйственные угодья, ныне покинутые жителями и приходящие в запустение. Следующая зима будет тяжелой для ее народа. Но они выстоят. Она не знает как, но выстоят.

Гален и его люди наполнили шлемы водой из ручья и дали лошадям напиться; когда лошади перестали пить и ни одна из них не проявила признаков недомогания, рыцари сами утолили жажду. Вдоволь напившись, Гален намочил шарф, протер лицо и снова обернул влажную ткань вокруг шеи. Прохладная вода, стекающая по спине и груди, принесла заметное облегчение. День выдался жарким, и хотя из доспехов на рыцарях были в основном поножи (ну и, конечно, шлемы), все взмокли от пота. Живя так далеко на севере, эти люди не привыкли к подобной жаре, что сильно сказывалось и на них, и на их лошадях.

К Галену присоединился Магмед, нисколько не походивший теперь на того молодого и заносчивого рыцаря, который несколько месяцев назад выступил в поход из Кендры.

– Уже почти, лето, а этот ручей явно не собирается пересыхать; и трава на вершине обрыва все еще зеленая. Что ты думаешь?

Гален огляделся. Место ему нравилось. Земля пологим уклоном шла с запада на восток, и ручей в конечном итоге пропадал в роще за сто шагов от них. Он кивнул.

– Да. Разместим сторожевой пост здесь. Тут есть вода, лес и хороший обзор местности.

На самом деле Галена очень привлекал этот край. Хотя он и не любил жару, здесь она, по крайней мере, была сухой, в отличие от того зноя, какой бывает летом в Кендре. Трава начинала желтеть, но вокруг еще хватало источников воды и прохладных долин, чтобы выпастить скот, пока не начнутся осенние дожди. «Здесь можно выращивать хороших лошадей, – подумал он. – Выносливых жеребцов для рыцарей Кендры».

Кроме того, признался себе Гален, приобретенная здесь собственность даст ему предлог чаще бывать подальше от Кендры... и поближе к Чарионе. Как член аристократии королевства – Двадцати Домов – он находил, что Арива, пожалуй, сделала Кендру чересчур неудобной; ее неприязнь к людям его круга была хорошо известна.

За последние десять дней он изрядно повидал Хьюм. Его смешанная часть из рыцарей Двадцати Домов и легкой пехоты из Амана быстро установила, что возглавляемая Линаном армия четгов еще не выступила на Даавис. Поэтому периметр района, находящегося под контролем королевства, стал отодвигаться все дальше и дальше к северу от города. Примерно через каждые двадцать лиг широкой дугой устанавливали серию сторожевых постов – каждый с площадкой для сигнальных костров и гарнизоном. Найденное место подойдет для последнего поста в цепи, тянущейся лиг на шестьдесят от Даависа. Это расстояние составляло пять дней

пути для большинства армий, три – для войска Галена и два – для четгов, не имеющих себе равных по части мобильности. Гален продвинется еще на двадцать лиг и установит последнее кольцо сторожевых постов. После этого он вернется в Даавис и увидит, что же запланировала для него Чариона.

Он покачал головой, удивляясь. Совсем недавно Гален убедил себя в том, что Чариона ему даже не нравится – но вскоре после того, как он оставил ее в Даависе, обнаружилось, что ему недостает ее ума и присущей ей странной, мрачной красоты, противоположной красоте Аривы.

Да, подумал он. Будет совсем неплохо вернуться в Даавис.

День в Кендре выдался светлый, и по южной галерее дворца гулял легкий ветерок. Олио стоял у входа в галерею и наблюдал за летящей высоко-высоко над портом пустельгой. Она описывала в воздухе огромные круги, резко снижаясь и паря, терпеливо дожидаясь подходящего момента для удара. Зрелище заворожило Олио.

– Ваше высочество?

Олио вздохнул и повернулся. Снова этот толстяк в смешной одежде. Олио хотелось увидеться с сестрой, но все не переставали твердить ему, что она слишком занята для встречи с ним. Тогда он спросил, нельзя ли ему увидеться с матерью или Береймой, но они явно тоже были очень заняты.

– А как насчет Линана? – спросил он у одного придворного. – Полагаю, он тоже занят?

Тот не ответил, что показалось Олио странным. И вместо родных единственным, кто мог прийти повидать его, был этот... как там его?..

– Вы меня помните, ваше высочество? Я прелат Эдейтор Фэнхоу.

Ах да, совершенно верно.

– Здравствуйте, Прелат. Что за странное имя...

– Меня зовут Эдейтор. А прелат – это мой титул.

Олио моргнул, глядя на него. Ему не хотелось признаться в собственном замешательстве.

– Вы можете называть меня Эдейтором, – продолжал толстяк.

– Я могу называть вас как хочу, – заносчиво заявил Олио.

– Это верно.

– Я ведь принц.

– И это верно.

– Моя мать – королева Гренды-Лир.

Он услышал, как Эдейтор резко и глубоко вздохнул.

– Вы в этом уверены?

Олио поднял брови.

– Конечно, уверен. Я ведь ее сын, не так ли?

– Когда вы в последний раз видели вашу матушку?

Олио задумчиво наморщил лоб.

– О, давным-давно. Она очень занята. В конце концов, она же королева.

– Не хотите ли пройти на галерею?

Принц пожал плечами. Эдейтор вошел первым.

– Прекрасный сегодня день.

– Над портом летает пустельга.

Эдейтор с миг пошарил взглядом, прежде чем нашел ее.

– Вижу.

– Пустельга – родовой знак моей семьи, – сказал Олио. – Видите? – Он щипнул вышитый у него на рубашке герб.

– Чудесный знак. Это самый знаменитый герб во всей Гренде-Лир.

– Он означает, что я Розетем, – добавил Олио.

– Вы Олио Розетем, принц Гренды-Лир.

– Да. – Он нахмурился. – Да, я принц.

– А вы помните, что еще есть у рода Розетемов, чем не обладает никакой другой род?

– Корона, – сразу же ответил принц.

Эдейтор рассмеялся. Смех у него был приятным, и Олио в первый раз решил, что, возможно, этот человек ему понравится.

– Я имею в виду – помимо короны. Даже более великие символы королевской власти, полные магии и могущества.

Олио снова задумчиво наморщил лоб. И надолго умолк.

– Вы не могли бы подсказать мне?

– Их четыре.

Глаза у него так и вспыхнули.

– А, знаю! Знаю! Ключи Силы! Матушка носит их на цепочке, на шее.

Эдейтор кивнул и провел языком по губам.

– Вы можете перечислить эти Ключи?

– Уф-ф! – шумно выдохнул Олио.

– Знаю, это трудный вопрос.

– Есть один для войны. На нем меч. Он мой любимый. Есть один со скипетром. Это самый важный Ключ. Есть один с кругом. Этот самый неинтересный. И есть один...

– Да?

– На нем... – Олио тряхнул головой, словно надеясь, что ответ выпадет сам. – На нем есть... – Он сердито посмотрел себе под ноги, одними губами произнося слово, которое не желало сходить с его уст. И начал краснеть от гнева.

– Очень даже неплохо, – поспешно вмешался Эдейтор. – Три из четырех. Хотите, я скажу, что изображено на четвертом Ключе?

– Нет, – отказался Олио, неубедительно делая вид, будто ему это неинтересно.

– Ну, я все равно скажу. На четвертом Ключе изображено сердце.

Принц вдруг обмяк, словно прежде все его тело находилось в постоянном и сильном напряжении.

– Да, – слабо произнес он. – Теперь я вспомнил.

Он поднял взгляд на Эдейтора – и прелат увидел, как на лице его промелькнуло что-то от прежнего Олио... но исчезло так же быстро, как и появилось. Олио посмотрел на небо за спиной Эдейтора.

– Пустельга пропала, – ровным голосом сообщил он. – Думаю, сегодня мы ее больше не увидим.

Оркид получил из Амана послание голубиной почтой. Он не вскрывал его до тех пор, пока кабинет не покинули все писцы и секретари. На маленьком бумажном свитке содержалась всего дюжина слов.

«Амемун убедил южных четтов. Ты любишь королеву; Аман все еще может царить».

Оркид тяжело поднялся из-за стола и дал посланию сгореть в пламени свечи. Смысл слов его брата, короля Марина, был достаточно очевиден и вызвал у Оркида и страх, и ликование.

Первая часть послания означала, что его друг Амемун установил контакт со свирепыми южными четтами и каким-то образом убедил их выступить на стороне королевства против своих северных сородичей из Океанов Травы. Оркид ничуть не сомневался, что Гренда-Лир в конечном счете разгромит Линана и его союзников, но вынудив мятежных четтов озаботиться защитой своей южной границы, Аман ускорит неизбежное.

Вторая часть послания представлялась не менее ясной. Великий план – женить сына Марина на Ариве и произвести на свет наследников трона Гренда-Лиры с аманской кровью в жилах – трагически рухнул со смертью Сендаруса и его новорожденной дочери. Необходим был другой способ сделать так, чтоб в жилах королей Гренды-Лир заструилась кровь Амана. И Марин говорил, что теперь это задача Оркида.

«Откуда он узнал о моих чувствах к Ариве? – гадал он встревожено. – Неужто они были столь очевидны?»

А затем Оркид вспомнил долгие разговоры с Амемуну, когда тот впервые сопровождал Сендаруса ко двору Ашарны. Амемун тогда засыпал его вопросами об Ариве, окончательно дорабатывая последние детали великого плана.

«А потом, конечно же, доложил обо всем Марину. Мне и не требовалось прямо говорить что-либо Амемуну; он всегда умел читать мои мысли».

Оркид снова сел. Жениться на Ариве он никак не может. Совет воспротивится, а Двадцать Домов будут еще меньше поддерживать трон; а этого он и сам не мог пожелать для нее. И все же...

Собственные чувства подтачивали двойную верность Оркида, о чем Амемун, видимо, тоже догадывался. Канцлер вспомнил, как старый наставник говорил ему, что хотя годы, проведенные Оркидом в Кендре, не притупили его любви к Аману, они, вероятно, дали ему время научиться любить ее правителей. Тогда он не стал этого отрицать – не станет и теперь. Оркид сделал бы почти что угодно ради возможности выразить свои чувства Ариве в надежде – отчаянной надежде, – что та может ответить на них. В этом-то и состояла трудность предложения Марина. Арива видела в канцлере друга, доверенного советника, современника и конфиденанта своей матери, а не потенциального возлюбленного. По крайней мере на этот счет он был честен с собой.

Мог ли он полностью изменить ее видение, заставить влюбиться в себя? Как раз этот вопрос он втайне задавал себе уже несколько лет – с тех самых пор, как Арива только-только начала расцветать, превращаясь из девочки в женщину. В то время он гадал, не была ли его реакция на нее всего лишь отражением любви к ее матери, недостижимой Ашарне; но по мере того, как Арива росла и развивалась, росли и крепились его чувства к ней. Он стыдился этих чувств, когда она вышла замуж за его племянника, а теперь этот стыд превратился в чувство вины, так как смерть Сендаруса давала ему шанс, пусть ничтожный, на близкие отношения с Аривой, которых он так отчаянно желал. А теперь он получил еще и благословение Марина. И Оркид понял, что страшился этой возможности, не желая доводить до черты, за которой королева могла с презрением отвергнуть его притязания. Он никогда не боялся ножа наемного убийцы, но боялся отказа Аривы. Теперь же соединение желания и долга побуждало его действовать, и Оркид знал, что даже если бы ему удалось устоять перед желанием, он никогда в жизни не смог бы противиться долгу.

Коннетабль Деджанус закончил вечерний обход дворца. Он стоял посреди огромного внутреннего двора, наблюдая за единственным окном, расположенным высоко в восточном крыле. Он различил сквозь стекло колеблющийся при свете свечи темный силуэт.

«Хватило бы и одной стрелы, – сказал он себе. – Прямо сквозь стекло – в черное сердце этого ублюдка».

От этой мысли приятная дрожь пробежала у него по спине. Раз и навсегда избавиться от канцлера Оркида Грейвспира! Этого он желал больше всего на свете.

Подбоченившись, Деджанус развернулся на месте. Он был силой, большой силой здесь, в самом огромном дворце Тиира. От гордости грудь его сама собой выпятилась. «Мне нечего бояться. – А потом, как всегда, знакомый голос у него в голове уточнил: – Кроме Оркида».

Пар из него мигом вышел, и взгляд коннетабля вернулся к восточному крылу. Прямо у него на глазах свет погас, и колеблющаяся тень канцлера исчезла.

– Если б это было так легко... – вслух сказал Деджанус, а затем огляделся по сторонам, дабы убедиться, что его никто не слышал.

Двор пустовал. Было очень темно, и Деджанус вдруг почувствовал себя беззащитным. Он поспешил в свои покои. Стоящий на посту часовой вытянулся по стойке «смирно», когда коннетабль прошел мимо, и это несколько восстановило его уверенность. Он развалился на постели с фляжкой хорошего вина и мысленно проиграл множество способов, какими можно убить Оркида. «Почему бы и не стрелой? – подумал он. – Нанять лучника, имеющего зуб на канцлера».

А все тот же голос добавил: «Или, будь ты достаточно храбр, мог бы просто воспользоваться своим ножом». Деджанус не мог найти ответа этому голосу. Никогда не мог.

Он прикончил фляжку и уснул, видя во сне один прекрасный день, когда таки *будет* достаточно храбр.

Всадники Галена двойной цепью въезжали в город через недавно восстановленные ворота. Вдоль ведущего ко дворцу главного проспекта выстроилась приветствующая их толпа, и Ампра заметил удивление и удовлетворение на лицах возглавляемых им молодых рыцарей. Если кампания и не принесла ничего иного, она, во всяком случае, дала осознать, что королевство Гренда-Лир – это не только город Кендра, и страну волнуют не одни только мелкие делишки знати.

«По крайней мере, меня война научила именно этому», – подумал Гален, чувствуя гордость от того, что оказался достаточно молод и умен для беспристрастного понимания. Арива и ее мать были кругом правы. Провинции должны иметь возможность участвовать во всех решениях, которые принимались за них в королевском дворце на далеком заливе Пустельги. Более того, они этого заслуживали! Гренда-Лир определенно не могла позволить себе игнорировать людей вроде Чарионы.

Гален подивился объему работ, проделанных жителями Даависа для подготовки своего города к осаде, и жертвам, на которые они пошли. На некоторых улицах не осталось ни одного дома – весь камень пошел на ремонт городских стен. На месте бывших кварталов выросли ряды самодельных убежищ из парусины и полотна, старых деревяшек и одеял.

Отвечая широкой улыбкой на приветственные крики толпы, он искренне желал действительно заслужить всю эту благодарность. Установление системы сторожевых постов не совсем походило на те доблестные подвиги, к которым готовились и о которых мечтали он и его рыцари. Улыбка Галена угасла, когда он вспомнил битву с армией Линана. В тот день они кое-чего заслужили, подумал он. Но какой ценой! Половина его рыцарей полегла в том бою. Сменится по меньшей мере еще одно поколение, прежде чем Двадцать Домов смогут снова выставить в поле полный кавалерийский полк.

Перед дворцом их ждала сама Чариона. Под ней был тонконогий белый жеребец – слишком изящный, чтобы участвовать в сражениях, – а на голове ее красовалась корона Хьюма. Одежда королевы выглядела замызганной, но при этом ей удавалось сохранять царственный и даже властный вид. Гален спешил и слегка склонился перед ней. Приветственные крики толпы стали еще громче.

– Мы не ожидали такого теплого приема, – признался он Чарионе.

– Они хотят, чтобы вы остались, – отозвалась она. И поймала его взгляд. – Вы остаетесь?

– Если королева Арива не отдаст нам иного приказа, мы останемся. – Он ответил ей таким же пристальным взглядом. – Вы получили от нее какие-нибудь сообщения?

Она напряженно улыбнулась.

– Пока нет, хотя... получила одно от ее канцлера.

– От Оркида Грейвспира? – Гален не мог понять неприязни в своем голосе. И сразу же почувствовал стыд: его новообретенная щедрость по отношению к провинциям явно не распространялась на Оркида, хоть тот и был дядей Сендаруса. – И что у него нашлось сказать?

– Канцлер говорит, что Арива потеряла новорожденного ребенка.

Гален ахнул от удивления.

– Я даже не знал, что она беременна.

– А обычно она открывает своей знати столь интимные тайны? – невинно спросила Чариона.

– Что? – Вопрос этот на миг сбил его с толку. – А, нет, конечно же, нет. Я хотел сказать...

Гален замолчал. Он и сам не был уверен, что, собственно, хотел сказать. Сердце его наполнилось скорбью при мысли об Ариве и погибшем Сендарусе.

По выражению лица Галена Чариона в какой-то мере угадала его чувства и похлопала его по руке.

– Оркид пишет, что она оправляется, но ее брат Олио серьезно пострадал. В тот самый день, когда наша армия столкнулась с войском Линана, в городе произошел сильный пожар. Потому мы и не получали от Аривы известий.

Они дошли до тронного зала, и Чариона приказала слугам выйти. Когда они с Галеном остались одни, она сказала:

– Оркид ни единым словом не упомянул ни вас, ни ваших рыцарей. Я не знаю, как Арива намерена распорядиться кавалерией. При данных обстоятельствах вы вполне можете счесть, что вам лучше всего отправиться в Кендру.

Вот уже второй раз Чариона предлагала ему выход из затруднительного положения. Гален знал, что как аристократ королевства может помочь Ариве там, в Кендре, – но знал и то, что она не доверяет ему, как, впрочем, и любому члену Двадцати Домов, и по части советов и помощи полагается на других, сейчас находящихся при ней. С другой стороны, если Линан нападет на южный Хьюм, их присутствие здесь может оказаться решающим и повлиять на исход столкновения. Он взглянул на Чариону, которая изо всех сил старалась делать вид, будто ей все равно, что он решит.

– Если я понадобится ее величеству, она пришлет за мной, – сказал он.

Чариона таинственно улыбнулась.

– Которая ее величество? – спросила она.

Гален вежливо кашлянул в кулак.

– Та, которая дальше от меня, – ответил он и увидел, как глаза ее слегка расширились.

– Вы, должно быть, устали после вашего рейда, – быстро сказала она. – И запылились.

Гален опустил взгляд на свою одежду, а затем оглянулся. Он оставил пыльные следы на всем пути в тронный зал.

– Я с нетерпением дожидался возможности принять ванну, – признался он.

– Тогда она будет вас ждать. Я отведу вам и вашим помощникам покои во дворце. Мы можем поговорить после того, как вы отдохнете.

– Вы очень щедры, ваше величество.

Он вторично поклонился и начал пятиться к выходу из зала.

– К ночи вы отдохнете, – непринужденно добавила Чариона.

– Вполне, – ответил Гален, улыбаясь той же улыбкой, что и она.

ГЛАВА 6

Порт горел. Клубы маслянистого дыма заволокли все небо. Корабли у причалов пылали, их мачты оседали и рушились, шкоты вспыхивали, обрывки парусов, прежде чем сгореть, реяли на ветру, пылая, словно маяки. Обугленные тела, пахнущие гнилыми шкварками, покачивались под причалами, вынесенные течением на берег Колби вместе с бочками и обломками. Морские птицы кружили в вышине, прежде чем броситься вниз и как никогда раньше попирали на трупах. В центре порта начал заваливаться набок единственный боевой корабль, по всей длине объятый пламенем, – сначала медленно, но когда вода хлынула ему через борт, а затем и в трюм, он почти сразу оказался кверху килем, со слегка торчащим над водой носом. Какой-то миг казалось, что корабль задержится в таком положении – но затем он кормой вперед скользнул под воду и исчез. Взметнулся столб воды, а затем на месте его гибели не осталось ничего – даже обломков.

Линан не мог отвести взгляда от зрелища разрушения, царившего вокруг. На свой лад оно было прекрасно – жуткой, ужасающей красотой. Порт пылал, блистая всеми красками, тучи дыма над головой, казалось, сияли от пожара, мерцал даже самый воздух. Чувствовался запах горящего дерева, смолы и парусов, и подо всем этим – сладковатый запах горящих тел. А звучал пожар как сонный вздох великана – словно мерно дышало что-то огромное.

К Линану галопом подъехал Краснорукий и поклонился.

– Ваше величество, королева Коригана докладывает, что город полностью захвачен. Бой во дворце завершился. Другого сопротивления нет.

Линан кивнул, испытывая облегчение. Резня в форте Тайперта изменила позицию Салокана, и с тех пор он содействовал завоеванию, приказывая сдать все городам и деревушкам своего королевства. Только здесь, в столице, где имелись и другие знатные семьи, им оказали первое настоящее сопротивление. Как оказалось, с Салоканом соперничали в основном два знатных семейства, оба возглавляемые его кузенами; один занял дворец, а другой – укрепленный порт, и каждый надеялся своей обороной подвигнуть соотечественников на сопротивление Линану – а заодно и на поддержку своих притязаний на трон. Не произошло ни того, ни другого. Остатки армии Хаксуса последовали за Салоканом, который, в конце концов, по-прежнему оставался королем; именно их использовали для искоренения бунтовщиков в обеих точках. Когда же несколько знатных беглецов попыталось спастись на корабле, Линан приказал уничтожить огненными стрелами все суда у причалов. Последовавший грандиозный пожар превратил порт в погребальный костер королевства Хаксус.

К Линану приблизился Эйджер.

– Здесь больше нечего делать. Можно оставить тут подразделение – для гарантии, что никто больше попытается сбежать по воде.

– Все корабли погибли, – сдержанно отозвался Линан, по-прежнему не в силах оторвать взгляд от пламени.

Он чувствовал, как что-то в нем отшатывается при виде огня, но заставил себя смотреть.

– Могут прийти и другие корабли, – указал Эйджер.

Линан кивнул.

– Позаботься об этом. А я пойду во дворец.

– Ваше величество! – крикнул кто-то близ уреза воды.

Линан увидел, что один из помогавших уничтожить портовые укрепления хаксусских солдат держит за шиворот рваной и опаленной безрукавки мокрого и перемазанного человека с порезами и ожогами на коже.

– Кто это? – спросил Линан.

– Я его узнал, – заговорил еще один солдат. – Это сын графа Василия.

– Того аристократа, который отказался сдать нам порт? – спросил Линан.

– Того самого.

Пленник поднял голову и огляделся, явно ошеломленный случившимся. Мгновение Линан рассматривал его, а затем бросил державшему пленника солдату:

– Убей его.

Солдат кивнул, обнажил короткий меч и заколол сына графа Василия в спину. Аристократ охнул, обмяк и рухнул наземь.

Линан развернул лошадь и уехал.

Дженроза глядела ему вслед. Она долгое время наблюдала за ним, пока уничтожали порт; видела, как пламя отражалось на его белой и жесткой коже; видела, что выражение его лица ни разу не изменилось за все время, пока армия по его приказу ломала слабеющее сопротивление, круша все на своем пути. Сознание отстранение отмечало вопли раненых и умирающих, треск рушащихся в огне зданий и поднимающийся в воздух вместе с дымом запах страха и отчаяния. А Линан и глазом не моргнул.

Когда он уехал, она невольно осела в седле, словно наблюдение за Линаном было чародейством и истощило ее силы. Подытоживающая поддержала ее за руку.

– С тобой все ладно?

Дженроза не ответила. Внимание ее привлекло что-то, схваченное уголком глаза, и она вернулась, чтобы найти это. Сперва она недоумевала – но затем ее взгляд остановился на волнах, золотистых и сверкающих. Она спешила и подошла к урезу воды.

– Дженроза? – окликнула Подытоживающая.

– Да ничего, – отмахнулась Дженроза.

И моргнула. «Нет, не ничего; что-то тут есть, но что именно?» Глубоко-глубоко шевельнулось какое-то воспоминание. Она нагнулась и поводила ладонью в воде, вызвав расходящуюся кругами рябь – и каждая волна несла свое отражение горящего порта. Снова что-то затронуло глубины памяти – и Дженроза порылась в ней. Она заходила в воду все глубже, пока та не дошла ей до пояса.

– Дженроза! – обеспокоено вскрикнула Подытоживающая. Дженроза оглянулась через плечо и удивилась выражению лица своей наставницы.

– Ничего такого не случилось.

– Но ты зашла так глубоко! – не успокаивалась та.

Дженроза невольно улыбнулась.

– Да разве это... – начала было отвечать она, но вспомнила, что говорит с четткой – человеком, жившим в центре континента; мелководное озеро в Верхнем Суаке было самым глубоким водоемом, какой она когда-либо видела. – Со мной все в порядке, – успокоила она ее. – Я выросла у моря. Мне ничто не грозит.

Подытоживающая явно не была в этом уверена, но ничего больше не сказала.

Дженроза дождалась, пока улеглось волнение, вызванное ее движением, а затем снова пристально посмотрела на воду, давая взгляду расфокусироваться, очищая разум для воспоминания, которое оказалось таким неуловимым. Она рассеянно водила ладонью, вызывая новые круги на воде. Снова каждая волна несла отражение горящего порта. И тут, покуда рябь расходилась подобно зеркальным кольцам, мысленным взором она увидела нужное заклинание. И прошептала его. Ничего не произошло. Она прошептала снова – и на этот раз последний круг ряби отразил порт, который вовсе не горел; Дженроза мельком заметила идеально голубое небо, высоконосые хаксусские корабли, деревянные краны и деловую суету на причалах.

Она ахнула от удивления и невольно попятилась к суше.

– Дженроза! – снова вскрикнула Подытоживающая.

– Тихо! – резко приказала Дженроза.

Она попыталась успокоить собственное сердце, которое, казалось, готово было выскочить у нее из груди, но даже при этом мысли ее летели вскачь. Откуда взялось это заклинание? Оно не было воспоминанием: Дженроза никогда не слышала этих слов ни от Подытоживающей, ни в ходе своего обучения в теургии. Она вызвала в себе что-то намного более глубинное, чем просто воспоминание.

Дженроза глубоко вздохнула и повторила заклинание, снова вызвав рябь, и на этот раз каждый расходящийся круг нес иное отражение. Затихая, слова сошли с ее уст, пока она наблюдала сотню удаляющихся от нее сцен, непохожих одна на другую.

– Прошлое одинаково, – промолвила она, – но у настоящего нет границ.

Она услышала за спиной всплеск. Вода вокруг заколыхалась и помутнела. Дженроза обернулась, и гнев ее сменился удивлением. Она увидела стоящую прямо позади себя Подытоживающую, не замечающую воды, что лизала ей талию.

– Что ты сказала? – неистово потребовала ответа Подытоживающая.

– Что?

– Когда смотрела на воду. Что ты сказала?

– Не уверена... – Дженроза моргнула. – По-моему, я не...

Подытоживающая схватила ее за руки.

– Прошлое одинаково... – почти прокричала она. И Дженроза почти машинально ответила:

– Но у настоящего нет границ.

Лицо Подытоживающей покраснелось.

– Кто сказал тебе это?

– Я... я не знаю.

– Что за заклинание ты применила?

– Не знаю. Оно... словно само всплыло из глубин разума. Я никогда его прежде не слышала.

Подытоживающая отпустила ее.

– Извини, если напугала тебя.

Дженроза внезапно осознала, что они с Подытоживающей оказались в центре какого-никакого, а внимания. Четты смотрели на них так, словно стали свидетелями какого – то важного события; хаксусские солдаты просто глазели. В этот миг она услышала, как Подытоживающая резко вздохнула.

– Что случилось? – спросила Дженроза.

– Я никогда раньше не бывала в такой глубокой воде, – призналась та.

Дженроза взяла ее под локоть и вывела обратно на берег. Поблагодарив, Подытоживающая быстро села на лошадь, спеша оставить между собой и водой как можно большее расстояние. Когда в седле оказалась и Дженроза, остальные восприняли это как сигнал и вернулись к делам, которыми занимались до ее приезда в порт. Вскоре они с Подытоживающей остались наедине. Некоторое время ни та, ни другая не произносили ни слова; наконец Подытоживающая шумно выдохнула – словно задерживала дыхание с момента пребывания в воде.

– Я знала: в тебе есть что-то особенное. Знала с того дня, как мы впервые вместе сотворили магию. Но и не представляла себе...

Голос ее стих.

– Ты ведь не собираешься снова заводить разговор насчет Правдоречицы, верно? Потому что если собираешься, то...

Подытоживающая покачала головой.

– Нет.

Дженроза осеклась.

Подытоживающая неуверенно посмотрела на нее, словно Дженроза не была больше той, кем она ее считала.

– У нас есть одно предание о великом маге...

– О нет! – живо перебила ее Дженроза, подняв руки. Она нутром чуяла, что рассказ этот будет каким-то образом относиться к ней. – Я не собираюсь этого слушать.

– Он умер свыше тысячи лет назад, – продолжала Подытоживающая.

– О-о, – только и произнесла Дженроза, внезапно чувствуя себя глупой.

– В то время не было ни четтов, ни кендрийцев, ни аманитов, ни хаксусцев. Было лишь одно племя, и оно недавно поселилось на Тиире. Народ настолько почитал этого великого мага, что сделал его своим правителем. Долгое время государство процветало при его правлении... Потом он состарился, и у него начались видения... ужасные видения. Сперва он никому не рассказывал о них, а записывал всё в великие книги. Как-то раз некий служка прочел одну из них, сошел с ума и умер. Когда король-маг обнаружил тело служки, то сразу понял, что именно произошло. И тогда маг осознал: его безумие столь велико, что может однажды уничтожить все, что он помог построить. Он призвал к себе самых великих людей своего народа, рассказал им о случившемся и сообщил, что намерен предпринять. Он создал четыре великих талисмана и вложил в них четыре грани своей мощи: свою щедрость, свою мудрость, свою силу и свою надежду.

– Четыре талисмана? – подозрительно переспросила Дженроза.

– Да, ты уже поняла. Четыре талисмана, которые стали четырьмя Ключами Силы. Когда маг закончил создавать их, он умер. И вместо того, чтобы править именем его, те великие, коих он создал, передрались друг с другом из-за талисманов. Один из них в конечном итоге заполучил в свои руки все четыре, но к тому времени единый народ уже распался на те племена, которые существуют по сей день.

– И как звали этого короля-мага?

– Колан Эзер.

Дженроза покачала головой и непринужденно рассмеялась.

– Никогда о нем не слышала. – По какой-то причине, которой и сама не могла объяснить, она почувствовала от этого облегчение.

– Это неважно. – Подытоживающая пожала плечами. – Важно, что его кончина отметила раскол единого народа. Далее легенда гласит, что народ снова объединится, когда вновь появится человек, подобный ему.

– Подобный ему? – Дженроза напряглась.

– Рассказывают, что он мог одновременно видеть все возможности любого курса действий. И он часто говорил, что «прошлое одинаково, но у настоящего нет границ».

– Нет! – громко воскликнула Дженроза. – Нет, я никогда в это не поверю!

Подытоживающая печально посмотрела на нее, но ничего не сказала.

– Нет! – выкрикнула Дженроза и, с силой рванув узду, умчалась галопом прочь от Подытоживающей и полыхающего порта.

На размещение в порту гарнизона потребовалось больше времени, чем думал Эйджер. Кроме формирования смешанных частей из четтов и хаксусцев для надежной охраны берега и прилегающей к нему территории, ему пришлось сколачивать рабочие бригады для борьбы с пожарами и расчистки развалин. За следующие несколько недель требовалось отремонтировать доки и склады – до того, как в Колби придут торговцы и пора будет выгружать товары. Торговля была животворной кровью городов вроде Колби, без нее они в конечном итоге чахли и умирали. Эйджер напомнил себе, что надо объяснить это Линану – а затем подивился собственному высокомерию. Линан же вырос при дворе Ашарны, а уж та позаботилась, чтобы все ее дети знали, чем королевство оплачивало свое существование.

К ночи самые сильные пожары были потушены, большинство тел собрано и увезено. Эйджер начал обход, желая убедиться, что новая охрана выполняет свою работу как должно. К тому времени, когда он закончил, высоко в небе зажглись звезды, и он оказался стоящим на одном из наименее поврежденных причалов. Слева от него находился затонувший корабль, мачта которого торчала из воды, словно надгробье. Эйджер присел на край причала, свесив ноги, и прочел безмолвную молитву по морякам в брюхе этого корабля. Он посмотрел туда, где река Ойно впадала в море – на север. Ему доводилось плавать на нескольких торговых судах, которые в мирные времена спускались по Ойно до Колби. Насколько Эйджер помнил, тот был довольно симпатичным городом. И снова им станет, сказал он себе, почти веря в это.

Он скорее почувствовал, чем услышал за спиной чье-то присутствие и положил руку на эфес меча, но когда оглянулся через плечо, Увидел Мофэст. Эйджер расслабился и печально улыбнулся.

– Из тебя никогда не получится даже относительно приличной наемной убийцы.

– Я хотела понаблюдать за тобой, когда ты не знаешь о моем присутствии, – сказала она и подошла, чтобы сесть с ним рядом.

– Я мог бы придумать и более веселые способы провести время.

– Мне нравится смотреть на тебя, – просто сказала она. – Я пытаюсь представить себе, о чем ты думаешь.

– И о чем же, по твоим представлениям, я думал сейчас?

– О чем-то, связанном с водой. Я знаю, ты работал на торговых судах. – Она внимательно изучила взглядом его лицо. – В твоём единственном глазу появился блеск, Эйджер. Ты тоскуешь по тем временам?

– Нет, не тоскую. Во всяком случае, не по работе. Но по морю. Да, иногда я тоскую по морю. – Он тихо рассмеялся. – В Океанах Травы я по нему не тосковал. Находиться там было все равно что быть в море. Степь удачно назвали.

– Мне хотелось бы однажды выйти в море, – призналась Мофэст. – Мне всегда было любопытно узнать, на что это похоже.

– Однажды я возьму тебя в море, – пообещал Эйджер.

Мофэст наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Ты будешь слишком занят работой на короля, чтобы брать кого-то в море.

Эйджер не понял, о ком речь, а затем сообразил, что под королем она подразумевала Линана. Из-за этого у него возникло странное ощущение, словно он находится вне настоящего времени и вне пространства.

– Да, полагаю, это верно, – неопределенно произнес он.

– А когда ты не будешь заниматься королевскими делами, то будешь заботиться о своем клане.

Эйджер внезапно улыбнулся. Его все еще изумляло, что он был вождем клана четтов. Его предшественник однажды ночью напал на него из засады, так как в поединке Эйджер уязвил его гордость. Защищаясь, Эйджер убил вождя и его семью – и таким образом унаследовал клан. Он так же гордился своими четтами, как и они гордились им. Члены его клана показали себя отличными воинами в трех великих битвах. Фактически члены клана Океана считали себя равными Красноруким, личным телохранителям Линана.

– Это не будет лишь обязанностью, – тихо произнес он, а затем посмотрел на Мофэст. – Где мы разбили лагерь?

– Нас расквартировали! – поправила его она. – Его величество разместил нас с тобой во дворце, чтобы мы могли быть рядом с ним, пока находимся здесь.

– А-а...

Он попытался не выдать голосом своего разочарования.

Во дворце царила темнота. Никто не сидел у жаровен и каминов. Через проделанные высоко во внешней стене сводчатые окна просачивалось немного лунного света, придававшего сверхъестественный блеск мраморным колоннам и плитам. Шаги Линана гулко отдавались по коридорам. Он обходил дворец. Благодаря острому зрению он узнал картину, написанную кендрийским художником. Много лет назад Ашарна отправила ее Салокану в ходе какого-то торгового соглашения. Теперь она снова принадлежала Гренде-Лир.

«Потому что я завоевал ее, – сказал он себе. – И Гренда-Лир тоже будет принадлежать мне».

Он пригляделся к картине повнимательней. Нижнюю часть ее пересекала кровавая полоса, похожая на декоративную раму. Под его ногами захлюпало, и он опустил взгляд. На полу все еще оставались большие лужи крови. Тела унесли еще несколько часов назад, но о надлежащей уборке никто пока не побеспокоился. Он вытер ноги о сухую часть пола и проследовал дальше. Впереди послышались голоса. Вскоре Линан оказался в широком и относительно длинном зале. Кто-то зажег жаровни; зал пересекали скрещивающиеся тени. В центре одной из стен находилось большое каменное сиденье.

Линан сообразил, что это тронный зал. Он оказался меньше, чем он представлял. Впрочем, он привык к тронному залу в Кендре, который сам по себе занимал площадь в четверть всего этого дворца.

На одном из подлокотников трона сидела Коригана и давала инструкции предводителю знамени.

– Тебе следовало бы сидеть *на* троне, – заметил Линан. Командир знамени низко поклонился ему и поторопился выйти из зала. – В конце концов, его же завоевали твои четты.

Коригана непринужденно улыбнулась, и он уже ожидал услышать в ответ, что это его трон.

– Он ниже моего достоинства, – просто объяснила она.

– Ниже твоего достоинства?

Он не мог скрыть удивления.

– Хаксус теперь не более чем провинция. Это кресло губернатора, а не трон. Я не удостою его прикосновением к моему заду. – Она по-прежнему улыбалась. – Ты, полагаю, тоже.

– Я устал, – возразил он. – Зверски устал. Так что посижу, пока не найду для него какого-нибудь другого сидельца.

– И кого же ты найдешь? – спросила она.

– Ты говоришь так, словно я уже принял решение.

– А разве нет?

Теперь уже Линан улыбнулся.

– Да.

– Салокана?

– Это ведь было его королевство. Он знает его лучше любого другого.

– Откуда ты знаешь, что он не поднимет мятеж, как только ты покинешь Хаксус?

– Он недалеко?

– Как ты и распорядился, его разместили в одном из помещений дворца.

– Надеюсь, не в его прежних покоях.

– Ему отвели куда менее величественные.

– Не приведешь ли его ко мне?

Когда Коригана вышла, Линан подошел к трону. Он уже собирался сесть, но затем вдруг передумал. Он не был уверен, что заставило его изменить решение, но знал, что этот трон не для него. В один прекрасный день он воссядет на престол, но не на этот и не в этот день. Он провел рукой по полированному камню трона. Тот был прекрасно сработан, изукрашен искусной резьбой, изображающей сцену битвы. Линан рассеянно гадал, не битва ли это времен

Невольничьей войны. Наверяд ли, сказал он себе. В той войне Хаксус не одержал никаких побед в великих битвах, хотя и потерпел несколько поражений. Он заметил, что здесь на полу тоже была кровь. Целые лужи крови. Линан подумал о том, сколько же народу погибло при защите этого пустого трона.

– Вы хотели меня видеть? – раздался голос у него за спиной.

Линан повернулся лицом к Салокану. Бывший король стоял, опустив плечи, но в том, как он держал голову, в том, как выпрямил прижатые к бокам руки, проглядывало нечто, говорящее о вызове, а не о покорности. За спиной у Салокана стояли Коригона и один из Красноруких. Линан попросил их выйти. Краснорукий сразу резко развернулся и удалился; Коригона поколебалась, но кивнула Линану и тоже покинула зал.

– Вы рады вернуться в свой дворец? – беспечно спросил Линан, подходя к Салокану.

Салокан моргнул, но не ответил. Линан взял его под локоток. Салокан попробовал было воспротивиться, но охнул от боли, когда Линан сжал пальцы покрепче.

– Позвольте показать вам достопримечательности, – предложил Линан. И указал на трон. – Именно отсюда вы правили Хаксусом. И именно здесь солдаты вашего кузена погибли, защищая престол. – Он вынудил Салокана сопровождать его в прогулке по всему залу, не забыв удостовериться, что они пройдут по всем лужам крови. Когда они вернулись к трону, он заставил Салокана сесть на него.

– Теперь вы вернулись и снова готовы править. – Линан натянуто улыбнулся. – Как губернатор провинции Хаксус.

Салокан по-прежнему не отвечал. Линан вздохнул, а затем одним быстрым движением обнажил кинжал. Салокан вздрогнул, но не вскрикнул. Линан подбросил кинжал в воздух, поймал его за лезвие и протянул вперед рукоятью. Салокан осторожно посмотрел на него.

– Давай, – поощрил его Линан. – Возьми.

– Ты собираешься убить меня, не так ли? – отозвался Салокан. – Теперь, когда мое королевство в твоих руках, я больше не нужен тебе живым.

Линан обдумал его слова.

– В этом есть определенная логика, – допустил он.

– Я возьму кинжал, а ты сразишь меня и заявишь, будто я на тебя напал.

– Ты забываешь одну мелочь. Мне не нужно предлога для того, чтобы убить тебя. В глазах всего мира ты ничто. Король без трона – меньше, чем крестьянин.

– И кто же тогда выходишь ты? – огрызнулся Салокан.

– Твой победитель, – непринужденно ответил Линан и снова протянул ему кинжал. – А теперь – ударь меня им. – Салокан уставился на него, разинув рот. – Давай.

Салокан покачал головой и уронил кинжал на пол. Зал отозвался металлическим лязгом. Линан выглядел разочарованным. Он поднял кинжал, схватил Салокана за правую руку и вынудил его сомкнуть пальцы вокруг рукояти. А затем, к ужасу бессильного остановить его Салокана, Линан вогнал кинжал себе в левое предплечье, проткнув его насквозь. Брызнула струйка крови. Салокан изо всех сил пытался выпустить оружие, но Линан с необыкновенной легкостью удержал его на месте.

– Еще одна жертва ради твоего трона.

Усмехающийся Линан извлек кинжал. Он отпустил Салокана и отступил на шаг, с острым интересом глядя на свою кровоточащую рану. Салокан попытался встать, но Линан толкнул его окровавленной рукой обратно на трон. И сунул под нос раненое предплечье.

– Посмотри на нее! – приказал он.

У Салокана не было иного выбора, кроме как посмотреть – и он увидел, как поток крови снизился до тонкой струйки, а затем и вовсе иссяк.

– Это невозможно, – прохрипел Салокан.

Линан потянулся, схватил Салокана за рубашку, дочиста вытер ею предплечье и снова предъявил на обозрение. Никакой раны не было. Не было даже царапины. К горлу Салокана подступила желчь, и он зажал рот, чтобы его не вырвало. Линан наклонился вперед и прошептал ему на ухо:

– Ты будешь править Хаксусом от моего имени, потому что я так сказал. Если ты в чем-нибудь не подчинишься мне, если ты поднимешь мятеж или присоединишься к моим врагам, я вернусь в этот дворец и заживо сожру тебя на глазах у твоего народа.

ГЛАВА 7

С высокого бархана Амемун бросил взгляд на широкую зеленую степь и не мог удержаться от невольного вздоха облегчения. После долгого пути по пустыне саранаров он изнывал от желания походить по земле, на которой росли настоящие травы и деревья, а не те чахлые кусты и колючие сорняки, какие сходили за растительность на юге континента. Декелон приподнялся на цыпочки и окинул взором раскинувшиеся на севере земли.

– Океаны Травы, – произнес он, не в силах скрыть волнения в голосе. И повернулся к Амемуну. – Мой народ не одно поколение мечтал прийти сюда и отомстить четтам, вернув себе нашу землю. Теперь это стало возможным.

Амемун сочувственно улыбнулся. «Будь я родом из твоих краев, старик, я тоже мечтал бы об этом», – подумал он и спросил:

– Что теперь?

– Подождем до ночи, прежде чем двинуться дальше. В этой степи мы будем заметны, как деревья в пустыне.

Амемун оглядел собранную Декелоном небольшую армию. Она состояла из четырех тысяч воинов – сплошь молодых мужчин, облаченных в набедренные повязки из овечьих шкур, подвязанных вокруг пояса длинными прядями крашеной и скрученной шерсти, и вооруженных простыми луками, дротиками и охотничьими ножами. Ему все еще с трудом верилось в то, насколько быстро организовались саранары, едва они с Декелоном договорились о степени поддержки Грендой-Лир их вторжения. В конечном счете саранаров заставило взяться за оружие именно искушение завладеть новой землей – тем более, что это были богатые пастбища Океанов Травы. Даже финансовая поддержка оказалась не столь важна, как новость о том, что четты мобилизовались как никогда прежде и единой армией выступили на восток, оставив южную границу более уязвимой, чем она когда-либо бывала на памяти всех живущих.

– Мой прапрадед вырос здесь, – вспомнил Декелон, глядя на степь. – Некогда мы были самым сильным и самым большим кланом в Океанах Травы.

Амемун уже слышал эту историю – не только от Декелона, но и от всех остальных саранаров, которые утруждали себя разговором с ним. «И самым агрессивным», – хотелось ему добавить, но раздражать новых друзей было невыгодно.

– Когда все это закончится, мы снова станем кланом. Впервые за сотню лет сойдутся все племена.

– Сперва вам надо отвоевать эту страну, – напомнил Амемун.

Декелон усмехнулся. Его лысая голова сверкала на солнце, и он похлопал себя ладонью по лысине.

– Мой череп будет лежать в этой хорошей земле, а не в пустыне, что позади нас.

Они спустились с бархана. Армия разбила лагерь в глубоком овраге, что скрывал небольшой ручей с чистой водой и почти весь день обеспечивающий стоянку тенью. Декелон вытянулся на земле и почти сразу заснул. Амемун же, уроженец прохладных горных склонов Амана, почти не мог спать днем: жара и мухи причиняли ему больше неудобств, чем он испытывал когда-либо раньше. Он напомнил себе, что отныне они будут совершать переходы по ночам, и поэтому тогда поспать тоже не удастся. Мысленно выругавшись, он закрыл глаза и попытался заснуть.

Саверо из клана Лошади, племянник великого Эйнона, гордо выпятил грудь, наблюдая, как могучее стадо клана проходит через узкую долину, зовущуюся Путем Солнцестояния. Четыре тысячи голов. Большого у четтов нет, за исключением, возможно, клана Белого Волка – а все знали, что свое стадо те собрали, угоняя скот у других кланов. Саверо поправил пояс с

саблей. Всякий раз, как он выпячивал грудь, пояс немного соскальзывал. Ну, он еще дорастет до своего пояса. Он уже был высоким для тринадцати лет. Так сказал сам Эйнон – великий Эйнон. И уже работал одним из дозорных клана. Саверо ничего не мог с собой поделывать – грудь его снова выпятилась от гордости.

Правда, если бы Эйнон не отправился на помощь принцу Ливану, тому странному альбиносу с востока, и не забрал с собой добрую часть воинов клана, Саверо еще оставался бы в числе тех молодых всадников, которым поручали охранять фургоны. Но как бы там ни было, а вот он – служит в дозоре могучего клана Лошади...

Саверо почуял какой-то принесенный ветром запах. Натянул узду и огляделся. Понюхал воздух. Вот он опять, этот запах. Не животного. Не растения. Совершенно незнакомый. Охваченный любопытством, он сжал коленями бока лошади, направляя ее прочь от края долины и пересекая верхнюю степь вслед за запахом.

В этом запахе было что-то смутно чуждое. Что-то, не принадлежащее Океанам Травы. Он вновь натянул узду и огляделся, но не увидел ничего необычного. Услышал доносящееся из долины мычание скота, но ничего сверх того. Возможно, ему следует обратиться к старому Колдену; тот наверняка узнает этот запах. Колден знал об Океанах Травы все, что требовалось знать. По его словам, он даже Эйнона учил ездить верхом и драться. Юноша фыркнул. Эйнона никто не обучал ездить верхом и драться; он родился с саблей в руке и стремянами на ногах. Саверо хихикнул, думая о том, какое неудобство это должно было причинить матери вождя.

Снова подул ветерок – и он был напоен тем странным запахом. Чем бы он ни был, юный всадник подъезжал к нему все ближе. В первый раз Саверо ощутил, как по спине у него пробежали мурашки. Он попробовал было снова выпятить грудь, но это, похоже, не сработало.

«Колден, – напомнил он себе. – Обратись к Колдену».

Разворачивая лошадь, Саверо услышал, как не далее чем в двадцати шагах от него зашуршала трава. Оглянувшись через плечо, он увидел лицо человека, и глаза на этом лице с ненавистью вперились в него. Саверо открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но в шею ему с негромким чмоканьем вонзилась стрела. Он булькнул, захлебываясь кровью, и боком упал с седла, умерев еще до того, как его маленькое тело ударилось о твердую землю.

Декелон осторожно выглянул из-за края балки. Взгляд его побродил по огромному стаду; он наслаждался этим зрелищем, а потом пристально взгляделся в противоположный конец долины. Долгое время там ничего не происходило, а затем появилась фигура воина; спряталась, снова появилась и снова спряталась. Это был сигнал.

– Все на месте, – сообщил он Амемуну.

Амемун хмыкнул.

– Видел бы ты это стадо...

– Мне уже доводилось видеть скот, – кратко ответил Амемун. – Сколько еще ждать?

– Мы готовы. Дождемся, когда разожгут ночные костры. Именно тогда они будут ожидать возвращения дозорных; они не отправят новых конников, пока не приедут прежние.

– И когда дозорные не вернутся, они забеспокоятся.

– О, их дозорные вернутся, – тихо посулил Декелон.

Колден удостоверился, что все костры горят ярким и высоким пламенем. Он не хотел, чтобы кто-нибудь из его молодых подопечных заблудился так далеко на юге; потеряв ориентировку, они могли в итоге оказаться в пустыне, особенно ночью.

Он медленным аллюром направил лошадь вокруг основного лагеря, вглядываясь в густеющую темноту и гадая, почему все еще не видит никого из дозорных. О боги, у некоторых из них и голоса еще не ломались, оставаясь детскими; им следовало быть дома с матерью, а не в дозоре с саблей на боку. Он жалел, что не может сделать всю работу за них. И жалел,

что пришлось отправить в дозор лишь нескольких настоящих воинов – но знал, что их опыт необходим ему для управления стадом.

Он посмотрел на юг и увидел на середине расстояния между собой и горизонтом одного из дозорных, возвращающегося неспешным шагом. Его переполнило чувство облегчения. Кто же это? Судя по фигуре, скорее всего Саверо, самый маленький и самый храбрый из всех дозорных. В один прекрасный день он заставит дядю гордиться собой; Колден знал, как тепло относился к пареньку Эйнон.

Тут он вспомнил, что ощущал, когда сам был ненамного старше Саверо и впервые выехал в дозор. Тогда он впервые в жизни почувствовал себя мужчиной. В самом деле, к тому времени, когда Эйнон вернется с войны Белого Волка, Саверо будет уже вправе считаться настоящим воином. Колден тяжело вздохнул, как всегда, удивляясь быстротечности времени. Казалось, совсем недавно Саверо был вопящим, воющим, визжащим младенцем, не интересующимся ничем, кроме материнского молока, а теперь посмотрите-ка на него!

Он сжал ногами бока лошади и поскакал навстречу подростку. В посадке паренька что-то казалось странным; даже при мерцающем свете Колден разглядел, что в седле он держится слишком напряженно, да и равновесие у него явно не то. Ну ничего, все наладится. Дозор вышел слишком продолжительным для столь юного всадника. И пояс с саблей висел у парня слишком низко. Надо будет потолковать с ним об этом – а может, нужна всего лишь новая дырочка в ремне.

– Саверо, малыш, – окликнул его Колден, когда их разделяло всего двадцать шагов. – Я уж думал, ты вообще не вернешься домой.

Подросток ничего не ответил, но коленями направил лошадь к Колдену.

– Полагаю, ты не видел других дозорных, не так ли? Ты вернулся первым...

Его голос иссяк, когда он сообразил, что говорит вовсе не с Саверо. Лишь самое короткое из мгновений он гадал, который же это дозорный; его мозг сперва не смог осознать, что этот всадник ему вообще не знаком, а когда осознал, было уже слишком поздно. Он увидел блеск клинка; когда нож вонзился в него, почувствовал запах дыхания сжимавшего его рукоять человека, а потом все. чувства затмила вспышка настолько сильной боли, что у него остановилось сердце. Хрипящий, умирающий, парализованный ударом, Колден упал ничком прямо в руки своего убийцы, который осторожно дал ему соскользнуть с лошади и бесшумно уронил наземь.

Хотя и вполне бодрый для своего возраста, Амемун не мог держаться вровень с молодыми воинами-саранахами, когда те выскочили из своих укрытий и со страшными воплями напали на вражеский лагерь. К тому времени, когда он добрался до первого шатра четтов, воздух уже наполнился стонами и криками умирающих. Среди шатров и бивачных костров метались оставшиеся без всадников лошади. Сперва он видел лишь мертвых вражеских воинов, застигнутых в тот момент, когда они хватались за оружие; но углубившись в лагерь, он начал наткаться на зарезанных детей и стариков, не имевших в руках ничего опаснее палок или котелков; в лунном свете их бледные лица походили на маски.

Саранахи образовали вокруг лагеря кольцо и теперь сжимали его. Декелон отдал приказ: ни один четт не должен сбежать, – и его воины, давая выход накопившейся за столетие ненависти, очень старательно выполняли свою задачу. Амемун даже видел, как сам Декелон руководит боем, направляясь на север с отрядом соплеменников, гоня защитников к центру. Справа он увидел несколько отдельных схваток, в том числе и происходящую на самой окраине лагеря. Он кинулся туда и, подбежав ближе, увидел молодую четтку, отбивающуюся котелком от воина-саранаха, который играл с ней, перескакивая с ноги на ногу и нанося дротиком ложные удары справа и слева. Амемун приблизился к нему сзади и четко пронзил его кинжалом насквозь. Саранах охнул от удивления и упал. Четтка посмотрела на него со смесью страха и удивления.

– Кто ты такой?..

– Некогда пускаться в расспросы, – бросил он, оглядываясь по сторонам. – Беги, пока жива. Сообщи остальным кланам, что здесь сарнахи!

Глаза женщины еще больше расширились.

– Быстро! – прошипел Амемун.

Она схватила за узду пробегавшую мимо лошадь, но Амемун остановил ее.

– Если они увидят тебя, то немедля застрелят! Не высывайся из травы, убирайся!

Она пригнулась пониже и бросилась бежать. Через несколько секунд Амемун уже потерял ее след. Если ей повезет, утром она наткнется на какую-нибудь лошадь и сможет через день-два добраться до территории другого клана четтов. А коль скоро это произойдет, четам придется отвечать на эту новую угрозу вместо того, чтобы нападать на Гренду-Лир, и королевство получит нужное время на подготовку к войне.

Он нервно провел языком по губам и снова огляделся по сторонам, дабы убедиться, что никто из сарнахов не видел сделанного им. Если б все вышло так, как хотелось Декелону, и из этого клана никто не уцелел, то прошла бы еще не одна неделя, прежде чем четты прослышали бы о вторжении и отозвались на него.

«Это хорошо для сарнахов, – подумал Амемун, – но плохо для Гренды-Лир».

ГЛАВА 8

Его звали капитан Вейлонг, и он служил солдатом и сапером; кому именно он служил солдатом и сапером, ему было в данный момент совершенно непонятно. Когда его отряд промаршировал на юг мимо пограничного дерева, большого дуба, который веками отмечал на этой дороге точку встречи Хьюма и Хаксуса, он размышлял о странных поворотах и зигзагах судьбы. Всего три месяца назад он и его отряд шли мимо того же дуба в составе хаксусской армии, собирающейся завоевать Гренда-Лир. А теперь он пребывал в составе четтской армии, номинально находящейся под командованием принца Гренды-Лир, собирающейся завоевать... ну, опять-таки Гренду-Лир. Даже не вникая во все политические тонкости, связанные с этим делом, он определенно улавливал иронию судьбы.

Капитан не был уверен, что понимает собственное отношение к такому повороту дела. Вейлонг издавна очень гордился тем, что он хаксусец, и почти так же сильно гордился своим умным и величественным королем Салоканом. В конце концов, он ведь всю жизнь был хаксусцем и с детства научился презирать слабого и изнеженного врага за южной границей. А теперь, хотя Салокан все еще назывался его правителем, Хаксус больше не был независимым королевством. Собственно, он не принадлежал ни к какому королевству, поскольку настоящей властью, стоявшей за спиной Салокана, был Линан Розетем – у себя на родине не более чем объявленный вне закона изгнанник, не обладающий ничем, кроме двух полумифических Ключей Силы.

Как раз тут мимо рысью проследовало подразделение четтской кавалерии. Вейлонг выплюнул пыль. Ну, поправился он, не обладающий ничем, кроме двух Ключей Силы, осиротевшего королевства Хаксус и чертовски огромной армии. Капитан невольно усмехнулся. «А это, полагаю, куда больше, чем все, на что могут претендовать многие короли».

Несмотря на все политические и моральные головоломки, которые Вейлонг нес теперь как дополнительный груз, он все же был благодарен судьбе хотя бы за одно обстоятельство. Линан Розетем покидал Хаксус. При мысли об этом бледном создании у Вейлонга мурашки пробегали по спине, и капитана радовало, что его земля освободится от присутствия нового хозяина.

В отличие от многих солдат своего отряда, Вейлонгу действительно довелось увидеть Линана Розетема вблизи. Как капитана саперов его представили Линану, когда остатки прежнего офицерского корпуса Хаксуса вызвали во дворец в Колби. Салокан сидел на троне, а справа и чуть позади него стоял завоеватель, невысокий и белый как мел. Вдоль стен тронной залы выстроились устрашающие Краснорукие, личные телохранители Линана; он своими глазами видел, как много, слишком много его соотечественников пало под короткими мечами этих ублюдков.

Вейлонг вспомнил, что Салокан выглядел нездоровым и почти таким же бледным, как Линан, и что кисть правой руки у него была плотно забинтована. И он также вспомнил, что глаза обоих, казалось, не замечали окружающего мира. Четтская королева Коригана заговорила и объяснила им положение дел: большинство из них войдет в состав создаваемой заново хаксусской армии, но некоторые специализированные части, такие, как саперы и артиллерия, двинутся вместе с четтами на юг для нового вторжения в Гренду-Лир. Собранные офицеры приветствовали это сообщение нерешительным «ура»; никто из них не горел желанием возвращаться туда, где они потерпели поражение, равно как и служить под командованием такого грозного хозяина. Но тут встал Салокан и сказал, что они послужат высшим интересам Хаксуса, и судьба Хаксуса – завоевать Хьюм – будет наконец осуществлена. Офицеры вторично закричали «ура», на сей раз с большей энергией, но Вейлонг никогда не забудет, что Салокан

походил при этом на раба, а не на короля; он, как и Коригана, служил лишь рупором для некоей темной силы.

И вот теперь они здесь, топают по местности, которая всего несколько месяцев назад могла сказать, что больше пятнадцати лет знавала лишь мир. Из хаксусцев шел не только отряд саперов, но и немало частей тяжелой пехоты, беспечно несшей на плечах свои копыя, словно отправляясь поохотиться на медвежат. Остальную хаксусскую армию Линан оставил дома, но из четтов не остался никто. Вейлонг с уважением смотрел на них всякий раз, когда эти прославленные верховые стрелки проезжали мимо, держась в седле с большей непринужденностью, чем любой самый лучший хаксусский всадник. И с чем-то вроде благоговейного страха он смотрел на четтских улан – кавалерию такого уровня, какого, по мнению всех жителей востока, четты создать не могли. А были еще Краснорукые и всадники клана Океана под командованием самого безобразного человека, какого когда-либо доводилось видеть Вейлонгу; кроме сабли и изогнутого лука, на боку у каждого из них висел еще и короткий меч, а он сам видел, насколько искусно четты применяют все три вида оружия.

Капитан быстро оглянулся через плечо, думая о том, увидит ли еще когда-нибудь свое отечество, и со смутной болью осознал, что по-настоящему у него нет больше отечества. К лучшему или к худшему, но тот Хаксус, в котором он вырос, исчез навсегда.

– С каждым днем ты подходишь все ближе и ближе, – сказала она.

– Я иду не ради тебя, – заявил Линан.

Они стояли в зеленой роще, затянутой густым туманом. Линан чувствовал себя промокшим насквозь. Волосы пристали к его голове и походили на водоросли, оставшиеся при отливе на камнях. Кожа была холодной как мрамор. Его собеседница наполовину терялась среди путаницы лиан и ползучих растений, и трудно было определить, где кончалась она и начинался лес.

– Ну конечно же, ты идешь ради меня. – Она улыбнулась ему, и он почувствовал, как начинает возбуждаться. Голос ее напоминал летний ветерок, а кожа выглядела мягкой, как мшистый ковер. – Ты хочешь снова быть со мной. Я слышу твои мечты. Ты все время мечтаешь обо мне.

– Нет, – процедил сквозь зубы Линан, но даже произнося это, он знал, что лжет. – Нет! – повторил он еще яростней, но это прозвучало ничуть не убедительней.

Она шагнула к нему; очертания ее смазывались окружающими фигуру листьями и ветвями. Ее прекрасное лицо мерцало в тенях. Она остановилась в нескольких шагах от него.

– Ты можешь лгать своим друзьям, Линан, но не можешь солгать мне. Мы одно целое, ты и я, и я могу прочесть тебя так же легко, как читаю искривления дерева и нору барсука.

Он попытался отвести от нее взгляд, но это оказалось бесполезным. Куда бы он ни смотрел, повсюду была она.

– Я не хочу иметь никакого отношения к тебе! Оставь меня в покое!

– Все живое желает меня, – мягко указала она.

– Все живое презирает тебя, – огрызнулся он.

– Разница между этими двумя чувствами меньше, чем тебе представляется.

– Ты говоришь словно священник, – презрительно бросил он.

– И разница между мной и священником тоже меньше, чем тебе представляется. – Она вдруг оказалась прямо перед ним и царапающим пальцем провела по его щеке. – Нам обоим нужна твоя душа.

– Тебе она нужна для себя.

– А теперь мы вернулись к желанию. – Она отступила на шаг и задумчиво нахмурилась. – Я помню, на что оно было похоже. Много веков назад, до того, как твой род прибыл в Тиир. Я помню, каково было заниматься любовью, желать тела другого, а не его души. В некотором

смысле я сейчас невинней, чем была тогда: мое желание менее низменно, более чисто. Я желаю самого лучшего в тебе, а не самого худшего.

– Ты заберешь у меня *все* – и мою душу, и мою жизнь.

– Это единственное в Линане Розетеме, что стоит забрать. – Она рассмеялась, и смех ее звучал, словно опадающая листва. – О, нельзя забывать и о твоих подарках. Ключи Силы будут прекрасно выглядеть между моих грудей.

– Ты никогда их не получишь. – Но когда он только еще произносил эти слова, два висящих у него на шее Ключа растаяли и появились на ее шее – два талисмана, покоящихся между ее светло-зеленых грудей с сосками цвета старой древесины.

– Чего ты желаешь больше всего, Линан Розетем? – спросила она, снова приближаясь к нему. Ее дыхание оведало его холодным ветром. – Чего же ты хочешь, мой принц-завоеватель?

Линан почувствовал, как его член твердеет. Желание овладеть ею сделалось всеподавляющим. Помимо воли руки его потянулись накрыть ладонями ее груди.

– Чего ты хочешь? – снова спросила Силона. Она взяла его за руку и поместила его ладонь у себя между бедер. – Разве не Силоны ты жаждешь превыше всего остального?

Где-то глубоко в нем шевельнулся страшный гнев – нечто, присущее Силоне в той же мере, что и ему. Он с яростным криком оттолкнул ее прочь. Она отлетела в вихре кружащихся листьев и исчезла.

Линан облегченно вздохнул – но дыхание застряло у него в горле, когда он услышал смех Силоны. Сперва он подумал, что звук доносится к нему откуда-то спереди, но затем словно сама роща подхватила смех, и он окружил со всех сторон. Каждое дерево и куст стали отражением ее фигуры, каждая ветка – рукой, каждое дуновение ветра – дыханием ее зловонных легких. Линана охватил страх, и он пронзительно закричал.

Коригана проснулась как от толчка и сразу же поняла, что именно отняло у нее сон. Здесь была ОНА, и Коригана чувствовала ее призрачное присутствие так, словно вампирша стояла над ней. Она вскочила с постели и бросилась к шатру Линана. Караулившие вход Краснорукие шагнули в стороны, пропуская ее. Недостаток света мешал что-либо разглядеть, и она не слышала ни звука. Ей пришлось в голову, что Линан мог и выйти, и эта мысль чуть не ввергла ее в панику. Как же она найдет его? Как ей защитить его от Силоны? И в тот же миг она услышала женский голос, словно доносящийся откуда-то издалека и произносящий имя Линана. Она ощущала этот звук как лед в голове; по коже у нее побежали мурашки отвращения. А затем она услышала, как совсем рядом голос Линана ответил:

– Ты никогда их не получишь.

В этих словах звучало отчаяние. Идя на голос, она смутно различила на кошке его силуэт.

И снова услышала голос Силоны, словно доносящийся издалека.

– Чего ты желаешь больше всего, Линан Розетем?

Коригана увидела, что он лежит нагим, и прямо у нее на глазах его явно охватило возбуждение. Она удивилась, что ей стало стыдно за него. Пока она осторожно приближалась, чтобы разбудить его, он оттолкнул от себя кого-то, присутствующего незримо. Силона рассмеялась; звук ее смеха словно бы исходил от всего шатра. Коригана замерла, испуганная больше, чем когда-либо в жизни, и тщетно пыталась побороть свой страх, пока Линан не издал пронзительный крик. Она вдруг перестала бояться за себя и бросилась к нему.

– Линан! Проснись!

Она заключила его в объятия. Он резко сел, борясь с ней, пытаясь ее оттолкнуть. В шатер вбежали сбитые с толку и встревоженные Краснорукие. Они держали факелы.

– Вон! – приказала она. – Оставьте один из факелов и ступайте вон! С ним все будет в порядке!

Часовые без колебаний ушли. Они знали о кошмарах Линана – и видели в них великую болезнь, от которой мог страдать лишь некто великий, – а также знали, что Коригана часто помогала ему.

Она снова повернулась к Линану, пытаясь заставить его лечь.

– Все в порядке, я здесь! Ты в безопасности!

Все его тело содрогнулось. В мерцающем свете факела она увидела, что кожа у него блестит от пота. Глаза его открылись и в ужасе уставились на Коригану.

– Это я, – сказала она как можно более утешающе, пытаясь сохранять спокойствие.

– Силона! – заскулил он и рванулся из ее объятий.

– Нет, это я, Коригана...

– Силона! – произнес он вновь, уже громче, и страх в его голосе терзал сердце Кориганы.

Она схватила его за руки и пустила в ход всю свою силу, обняв его и прижав его голову к своей груди.

– Послушай! Слышишь, как бьется мое сердце? У Силоны нет сердца. Я не вампириша. – Он все еще пытался вырваться из ее объятий. – Линан, послушай меня! Я Коригана! Я ТВОЯ королева!

Слова эти сорвались с ее уст прежде, чем она смогла их остановить, и от потрясения Коригана чуть не выпустила принца.

– Это правда, – сказала она больше самой себе, чем Линану. Душу ее наполнила решимость, и, обхватив голову Линана, она поцеловала его в губы. Он перестал вырваться из ее рук. Она открыла глаза и увидела, что ужас в его глазах схлынул и сменился узнаванием.

Он мягко высвободился из ее объятий.

– Коригана? – Линан ошеломленно огляделся вокруг. – Это была *ОНА*...

Королева опустила руки, не зная, что с ними делать.

– Да, – запинаясь, ответила она. – Я слышала голос и видела, как ты отбивался от нее.

– Что... – Вопрос замер у него на устах, и он отвел глаза, не желая встречаться с ней взглядом.

Коригана тоже не знала, что сказать. С тех пор, как смерть отца сделала ее в тринадцатилетнем возрасте королевой, ей постоянно приходилось делать выбор в пользу укрепления трона и соблюдения интересов своего народа, и делая выбор, она каждый раз видела последствия; но на этот раз она столкнулась с выбором, который мог оказаться самым важным в ее жизни – и все же не знала, какой путь вернее послужит ее трону – а значит, ее народу. Коригана лишь знала, притом с полной уверенностью, что именно этого хотела *ОНА*, и, сознавая это, она также осознала, что не оставила себе никакого выбора.

– Теперь уж слишком поздно сожалеть, – тихо сказала она, больше себе, чем Линану.

– Коригана?

Она закрыла глаза, наклонилась и второй раз поцеловала его, но не прижимая к себе. «Слишком быстро!» – подумала она, зная теперь, что он вторично оттолкнет ее. Но затем его губы слегка приоткрылись, и он ответил на ее поцелуй. Его руки двинулись к ней, обнимая и одновременно беря ее в плен. Впервые в жизни она не думала ни о чем, кроме того, что хотела чего-то лично для себя, и о том, какое это замечательное ощущение.

Когда Дженроза проснулась, еще не рассвело. Она вышла из шатра и направилась к небольшому ручью, который увидела днем раньше. Он был не больше двух шагов в ширину и в ладонь глубиной. Встав у ручья на колени, она выкопала поблизости в земле ямку, а затем зачерпнула сложенными ладонями воды из ручья и наполнила ею углубление. Она подождала рассвета, а потом осторожно потревожила спокойную поверхность воды кончиком пальца, наблюдая за тем, как расходятся круги, каждый из которых ловил солнечный свет, превращаясь в золотое кольцо. Она глубоко вздохнула и произнесла:

– Прошлое одинаково, но у настоящего нет границ.

Едва она успела произнести последнее слово, как кольца из золота стали кровавыми кольцами, а затем и вся вода в ямке сделалась красной, словно от какой-то страшной заразы. Дженроза ахнула и быстро встала. Она почувствовала тошноту и нагнулась, но могла лишь всухую терзаться спазмами. Девушка снова выпрямилась и вытерла с губ слюну, перемешавшуюся со слезами.

«Что со мной случилось? Чем я стала?»

Она не могла поверить – не *желала* верить, – что видела будущее. Конечно, будет кровь, сказала она себе, ведь мы же воюем. Чтобы предсказать это, не нужно быть магичкой.

Так что же тогда происходило? Почему все, что она ни делала, оказывалось окрашенным кровью? Каждое утро она просыпалась, ощущая в горле ее вкус. Ей снились реки крови, растекающиеся бурным потоком по улицам Кендры, столько крови, что та могла наполнить океан.

В глубине души она уже наполовину знала ответ, но отказывалась вытащить его из потемок души на свет сознания. Он имел отношение к Линану и Силоне, но она не хотела смотреть правде в глаза. Пока не хотела. До тех пор, пока не будет уверена.

«Это я виновата, – подумала она. – Виновата во всем».

Она зарыдала, сначала от жалости к себе, но затем по-настоящему горестно – когда в ней всплыло воспоминание о Камале и настолько затопило ее, что Дженроза упала на четвереньки. Слезы ее теперь текли ручьем, стекая со щек в ямку с окровавленной водой, – и когда они стекли в нее, вода очистилась, став прозрачной как хрусталь. Увидев это, Дженроза выпрямилась, сев на пятки, и заставила себя справиться с горем. Камалю было бы стыдно за нее, сказала она себе, и это наконец привело ее в чувство.

Девушка снова коснулась воды кончиком пальца.

– Прошлое одинаково, но у настоящего нет границ, – проговорила она.

На этот раз рябь на воде не несла ни золота, ни крови. Она внимательно наблюдала, пытаясь понять значение множества образов, мелькавших в расходящихся кругах один за другим, и поняла, что все они рассказывают одну и ту же историю. Тысячи четтов лежали мертвыми в длинной зеленой долине где-то в Океанах Травы.

– Одну и ту же историю, – произнесла она вслух. – Значит, это должно быть прошлое.

Последний образ показал стяг с изображенной на нем летящей птицей. Она сперва подумала, что это пустельга Розетемов, а затем поняла, что птица не похожа ни на какую когда-либо виденную ей раньше.

«У нас появился новый враг, – сказала она себе. – И он уже среди нас».

ГЛАВА 9

Поул опаздывал на встречу с несколькими приходскими священниками и решил срезать путь, пройдя через библиотеку. По дороге его перехватил послушник с досаждающим теологическим вопросом, суть которого потребовалось излагать так долго, что слушая, Поул оперся одной рукой о пюпитр. Когда же послушник закончил, прелат, у которого не было ни времени, ни желания отвечать, отделался от юнца вежливым обещанием поговорить с ним как-нибудь позже. Тот поклонился и шмыгнул прочь. Поул вздохнул – от досады из-за задержки и туманных воспоминаний о временах, когда он сам был послушником – и убрал руку с пюпитра. Вот тогда-то он и увидел на нем книгу. Какую-то секунду он тупо смотрел в нее, а затем узнал почерк.

– «Молю о руководстве, – прочел он, – и за души всего моего народа; молю о мире и о будущем для всех детей моих; молю об ответах и о новых вопросах. Я один, в одиночестве и все же не одинокий. Я один; человек, который знает слишком много тайн. И молю о спасении».

«Его последние слова», – подумал Поул. Напоминание о предшественнике заставило чувство вины подняться в нем, подобно черной желчи, но он подавил его силой воли. И все же воспоминание о примасе Нортеме не желало так легко исчезать, и Поул счел возможным вспомнить, как сильно некогда любил его. Нортем был ему наставником и отцом, примером и духовным руководством. А под конец Нортем предал Поула и стал его жертвой. «Как странно, что одно божье создание может быть всем этим».

Примас снова прочел абзац и понял, что не вполне понимает эту молитву. «Я не имею на это права», – сказал он себе, но знал, что ему все равно полагалось бы понять молитву, самый основополагающий элемент – самую суть – всей веры. Он перечитал абзац вновь, но ничуть не приблизился к разгадке его тайны. Зато заметил, что остаток страницы и противоположная ей оставались совершенно чистыми.

Это же Книга Дней, с удивлением сообразил он; и страницы оставались пустыми потому, что заносить в книгу новые записи бьио обязанностью преемника Нортема. Как же он мог забыть? Как он мог столь ужасно пренебречь своим долгом? Поул поднял голову и увидел полку, на которой стояли все переплетенные Книги Дней. Сам того не сознавая, он нарушил традицию – традицию, которая поддерживалась с самых ранних времен существования Церкви Подлинного Бога. На какой-то миг Поул ощутил отчаяние. Как он мог так серьезно нарушить свои обязанности примаса? Как Господь мог позволить ему это сделать? И как могли это допустить его собратья-священники?

– Отец?

Поул обернулся. К нему обращался отец Роун, его секретарь и преемник в должности исповедника королевы Аривы. Роун смотрел со смесью озабоченности и любопытства.

– Да?

– Приходские священники ждут.

– Конечно.

– Отец, вы здоровы?

Поул помотал головой, прочищая ее. Роун истолковал этот жест неверно.

– Тогда мне сказать им, что вы идете?

– Да.

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

Поул выпрямился и, нахмуясь, посмотрел на Роуна.

– Спасибо, у меня все прекрасно. – Роун повернулся, собираясь уйти, но Поул окликнул его. – После встречи я хотел бы кое-что с вами обсудить. Кое-что важное.

– Конечно, отец. – Роун кивнул. – У вас в кабинете?

– Нет. Здесь. Прямо здесь. – Он постучал по лежащей на пюпитре Книге Дней. – Прямо здесь.

Оркид деловито носился между своим кабинетом и кабинетом секретаря королевы, Харнана Бересарда, организуя первое заседание совета с тех пор, как на Гренду-Лир обрушились катастрофы. Канцлеру удавалось какое-то время откладывать его, но давление со стороны знатных семей и представителей торговых интересов Кендры, требующих возобновить регулярные заседания, росло с каждым днем: они хотели знать, что Арива здорова и по-прежнему способна править королевством, хотели сами увидеть ее. Чтобы подвигнуть на это Ариву, ему потребовалось целую неделю уговаривать ее и спорить с ней, но в конечном итоге она все-таки согласилась. Теперь у него была одобренная королевой повестка дня, и он шел к Харнану, чтобы тот отправил вызовы членам совета. Дорогу ему преградила внушительная фигура Деджануса. Оркид оторвал взгляд от своих заметок, коротко кивнул и двинулся обойти его.

Деджанус вытянул руку, преграждая ему путь.

Канцлер остановился.

– Что это значит, коннетабль?

– Поговорить надо, – сказал Деджанус.

Оркид почувствовал, как от него разит вином. Это был плохой признак – и повод для беспокойства.

– Конечно, но нельзя ли подождать с этим? Мне надо увидеть Харнана Бересарда касательно отправки вызовов королевы на заседание государственного совета.

– Самое время, – грубовато усмехнулся Деджанус. – Частично я об этом и хочу потолковать. Вызовы могут немного обождать.

– Вы хотите поговорить здесь? В коридоре? Деджанус огляделся кругом.

– Услышать нас некому, поблизости никого. Тут безопасней, чем у вас или у меня в кабинете, где нас в любой миг могут прервать секретари или гвардейцы.

Оркид глубоко вздохнул.

– Отлично. О чем речь?

– Как я сказал, частично это связано с предстоящим заседанием совета.

– И что?

– Мы будем обсуждать создание новой армии и отправку ее на север против принца Линана.

Это было утверждением, а не вопросом.

– Конечно.

Оркид нахмурился, догадываясь, к чему клонит Деджанус.

– Я хочу командовать ей.

Оркид пожал плечами.

– Принимать такие решения, естественно, прерогатива королевы...

– Просто дело в том, что именно мне следовало командовать последней армией, а не тому злосчастному аманиту, мужу королевы.

– Поосторожней с тем, что говоришь о Сендарусе, болван. Он ведь был и моим племянником, а не только возлюбленным Аривы...

– Не указывай мне, что можно, а чего нельзя говорить! – закричал Деджанус.

– Ради бога! – прошипел Оркид. – Потише!

Судя по виду Деджануса, тот собирался поорать еще, но здравый смысл возобладал, заставив его успокоиться.

– Мы с тобой заключили договор, Оркид Грейвспир, ты да я, договор, скрепленный кровью короля Береймы. Ты держал короля за руки, когда я вонзил клинок ему в шею. И я могу говорить все, что пожелаю – о Сендарусе или о самой королеве, если уж на то пошло. – Он

ткнул Оркида в грудь огромным тупым пальцем. – Я хочу командовать новой армией. Мне ее задолжали.

Канцлер не ответил, но мысли его летели вскачь. Деджанус делался неуправляемым. Впервые за долгое время Оркид стал опасаться за личную безопасность.

– Когда на совете об этом пойдет речь, я хочу иметь твою поддержку.

Оркид кивнул.

– Я посмотрю, что можно для тебя сделать.

– Ты не посмотришь, а *СДЕЛАЕШЬ*, канцлер, – поправил Деджанус. – У тебя здесь на кон поставлено больше, чем у меня. Если Арива прознает, что ты сделал с ее братом, мы оба лишимся жизни, но Аман потеряет все.

Оркид снова ничего не сказал, но Деджанус увидел, как кровь отхлынула от его лица. Коннетабль мрачно улыбнулся.

– Приятно было немного поболтать.

Он похлопал Оркида по плечу. И ушел, оставив его неподвижным как скала.

У Эдейтора Фэнхоу уже вошло в привычку навещать принца Олио на южной галерее с великолепным видом на Кендру и порт. Зачастую они просто стояли бок о бок, сознавая общество друг друга, но не навязывая его. Когда же они разговаривали, речь могла идти о чем угодно, но в конечном итоге Эдейтор всегда подводил разговор к Ключу Сердца. Иногда Олио сердился из-за этого, но обычно, казалось, чувствовал, что в этой теме есть что-то важное – что-то *очень* важное, – и старался ответить на любой вопрос, заданный Эдейтором, пытаясь в свою очередь придумать какие-то вопросы.

Иной раз Эдейтор начинал беседу, заводя речь о матери принца, еще одной из его любимых тем.

– Вы виделись с ней?

– О, нет, – вздохнул Олио. – Она чересчур занята. Гренда~Лир ведь очень большое королевство, а она стоит во главе всего. – Он покосился на собеседника. – Вы знаете, что у матушки есть военный флот?

– С кораблями? – Эдейтор прикинулся удивленным.

– Ну конечно, с кораблями. Именно они-то и составляют военный флот. Боевые корабли. Уйма кораблей. Некоторые из них видны и отсюда. – Он указал на причалы. – Ну, их видно, когда они у пирса, – несколько безразличным тоном добавил он.

– Я тоже давно не видел вашу матушку. С год или дольше.

– Ну а с какой стати ей желать увидеться с вами?

– С той, что я прелат теургии.

– Ах, да. Помню. Вы важный чиновник.

– Да, хотелось бы думать именно так.

– Хотя и не столь важный, как принц.

– Безусловно. Важнее принца только королева. Олио кивнул.

– Я собираюсь попросить матушку сделать меня адмиралом военного флота.

– Адмиралом?

– Да. Тогда она даст мне Ключ Меча.

– Это ваш любимый Ключ?

Олио нахмурился, размышляя.

– Думаю, да. – Он помассировал виски. – Иногда... – Голос его стих.

– Иногда?

– Иногда мне думается, что мой самый любимый не он. Иногда мне кажется... – Голос его снова растаял.

– Ключ Сердца.

Принц в удивлении поднял взгляд.

– Да. Как вы узнали?

– Мы уже говорили об этом.

Олио внезапно принял очень мудрый вид.

– И поговорим об этом снова, не так ли?

– Только если вы хотите, – мягко уточнил Эдейтор.

– А вам хотелось бы поговорить об этом.

– Да.

– Вы говорите об этом с другими?

Эдейтор чуть не сказал: «Постоянно» – но как он объяснит, что попросил лучшие умы теургии попытаться выяснить, каким образом Ключ Сердца отправил Олио обратно в детство, начисто стерев взрослого человека, каким он был?

– Да, время от времени.

Теперь вид у юноши стал не мудрый, а проницательный.

– А почему *ВЫ* так интересуетесь этим Ключом?

Эдейтор задумался, как лучше ответить, и сказал:

– Ради вас.

– Ох, – только и произнес Олио, принимая ответ.

В конце концов, он ведь был принцем, и множество людей делало многое ради него. За исключением матери. Ему хотелось, чтоб она делала для него побольше. Он так давно не виделся с ней, что иногда плакал, когда думал об этом, но только-оставаясь в одиночестве. Ему не хотелось, чтобы кто-то узнал о его слезах. Принцам не следовало плакать. Особенно принцам, которые хотели быть адмиралами военного флота. А потом Олио в голову пришел вопрос, который удивил его; он не был уверен, что понимает все, вытекающее из него.

– Почему ради меня? – быстро, словно боясь забыть, спросил он.

– Потому что я забочусь о вас.

Олио нетерпеливо замахал руками.

– Нет-нет, я не это имел в виду. – Он снова прижал ладони к вискам. Почему думать бывало иногда так трудно? – Я имел в виду... я имел в виду...

Вопрос по-прежнему оставался на месте, но было трудно выдавить его из себя. И он медленно, подчеркивая каждое слово, произнес:

– Почему – интересуетесь – им – ради – меня?

Эдейтор был захвачен врасплох. В некоторых отношениях это был как раз тот вопрос, которого он ждал – вопрос, позволивший увидеть какой-то проблеск прежнего Олио. Прелат провел языком по губам и медленно произнес:

– Потому что этот Ключ однажды причинил вам вред.

Олио удивленно моргнул и на шаг отступил от прелата.

– Причинил мне вред? Один из Ключей? Матушка применила его мне во вред? – От страха голос его стал повышаться.

– Нет! – поспешил успокоить его Эдейтор. – Ваша матушка никогда-никогда не причинила бы вам вреда. Вы применили его!

Принц замер.

– Применил его?

Эдейтор мог лишь кивнуть. Он чувствовал – *знал*, – что близок к чему-то важному, близок к восстановлению связи с прежним Олио, но в то же время понимал, что утратил управление беседой и не представлял, что сказать дальше.

– Я его применил, – проговорил Олио, и хотя он по-прежнему смотрел на Эдейтора, но видел нечто совершенно иное. – Я применил его, – повторил он и опустил голову, словно его одолела неимоверная усталость.

Эдейтор положил ладонь ему на плечо.

– Ваше высочество?

Олио покачал головой.

– Как я мог применить один из Ключей? Ведь я же не маг. – Он остро поглядел на Эдейтора и схватил его за руку. – Но я помню. Помню, как он был у меня.

В тот миг вернулся прежний Олио. Эдейтор понял это не по выражению лица принца – по неожиданной силе в его голосе. Но прежнее «я» снова исчезло – так же быстро, как и появилось – и за руку его держал уже растерянный, сбитый с толку мальчик.

Принц моргнул, выпрямился и показал вдаль.

– Видите? Вон в порт возвращается боевой корабль. Разве он не прекрасен!

Эдейтор не знал, смеяться или плакать. Олио вплотную приблизился к избавлению от болезни, но в конечном итоге у него просто не нашлось необходимой силы. И чем больше времени проходило, тем больше прелат убеждался в том, что ни он, ни кто-либо иной не мог помочь Олио в этом.

А затем настала его очередь моргнуть и выпрямиться. «Ни один человек не обладает той силой, какая требуется принцу, – сказал он себе. – А это значит...»

– О боже, ну конечно, – произнес он вслух.

– Ну конечно что? – спросил Олио.

– Ничего, ваше высочество. – Эдейтор покачал головой. – Мне надо идти.

– В самом деле? Сейчас?

Эдейтор похлопал принца по руке.

– Но я вернусь. Скоро. Обещаю.

Олио пожал плечами.

– А куда вы идете?

– Повидать королеву, – рассеянно ответил Эдейтор.

Он уже думал, как предложить Ариве то, на что – он был уверен – она пойдет крайне неохотно.

– Королеву? Она вас примет? По-моему, ей следовало бы сначала встретиться со мной, а уж потом с вами.

Эдейтор сообразил, что именно он так небрежно обронил, и снова увидел обиду на лице Олио.

– О нет. Я не настолько важная птица, чтобы когда-нибудь встретиться с королевой лично. Я имел в виду, что поговорю с одним из ее чиновников.

– А-а. – Олио успокоился и снова стал любоваться портом. Эдейтор поклонился и покинул южную галерею. Выйдя, он на миг остановился, чтобы сориентироваться, а затем поспешил к покоям Аривы. Когда он добрался до них, его остановили двое караульных гвардейцев. Он потребовал встречи с королевой, и один из гвардейцев отправился передать его просьбу. Вернулся он в сопровождении Харнана Бересарда.

– Прелат Фэнхоу? Чем могу помочь?

– Ничем, Харнан. Мне нужно срочно встретиться с королевой.

– Ее величество крайне занята важными государственными...

– ...делами, – закончил за секретаря Эдейтор. – Да, я уверен, что занята. Но мне нужно поговорить с ней об Олио. – Он покачал головой. – Мгм, о принце Олио.

Харнан с сомнением посмотрел на него.

– Понимаю. В каком именно плане?

– Думаю, это должно остаться между мной и королевой.

Харнан заметно напрягся.

– Понимаю, – повторил он, почти не шевеля губами. – Я передам вашу просьбу.

– Я подожду ответа здесь, – заявил Эдейтор, пытаясь выглядеть, как человек, которому мысль о возможности задержки и в голову не придет.

– Как угодно, – отозвался Харнан и ушел.

Преграждавшие путь Эдейтору гвардейцы смотрели на него так, словно он был ненужной и неприятной помехой, и в душе у него взяла верх природная робость. Он избегал встречаться с ними взглядом, делая вид, что разглядывает потолок, свои башмаки, ногти. Время тянулось, он чувствовал себя все неуютней и уже начинал жалеть, что вообще пришел сюда. Но затем все сомнения исчезли – когда за спинами караульных появилась сама Арива с нехотя следующим за ней Харнаном и приказала пропустить прелата. Гвардейцы вытянулись по стойке «смирно», и Эдейтор бочком-бочком пробрался мимо них. Он поклонился Ариве и высокомерно посмотрел на Харнана. Арива взяла его под руку и увлекла прочь от посторонних ушей.

– Что с моим братом? – В ее голосе звучала странная смесь надежды и угрозы.

– Думаю, я знаю способ помочь ему...

– Как? – перебила она.

– ...но он рискованный и может привести к усугублению болезни его высочества.

Арива поймала его взгляд. Эдейтору подумалось, что глаза у нее холодны как лед. По спине его пробежал холодок.

– Какого рода риск? Это какой-то новый вид магии, измышленный Теургией?

– Нет, ваше величество. – Эдейтор покачал головой и указал на Ключ Сердца у нее на шее. – Он в применении вот этого.

– Вам следует знать, что я уже пыталась применить его.

– Я догадывался, что вы попытаетесь. Но при этом вы вообще ничего не почувствовали.

– Откуда вы знаете? – резко спросила она и схватила его за руку, до боли сжав ее.

– Потому что Ключ настроился на Олио. Теперь только он может применять его, если кто-то не готов пожертвовать собой, чтобы завладеть им.

Арива побелела.

– Я должна поступить так, чтобы спасти брата?

Эдейтор в ужасе посмотрел на Ариву.

– Вы, ваше величество? Нет, никогда! Такая цена была бы слишком велика – даже ради Олио.

– Значит, вы предлагаете, чтобы собой пожертвовал кто-то другой? – Она посмотрела на него с неожиданным уважением. – Вы предлагаете себя? Неужели вы настолько сильно любите моего брата?

– Если бы это пошло ему на пользу, то да, предложил бы себя, – не задумываясь, ответил он, а затем умолк, удивленный таким признанием. – Но думаю, Ключ не позволил бы мне это сделать.

– Тогда что же именно вы задумали? – нетерпеливо спросила она.

– Мы дадим применить его Олио.

Арива отступила от Эдейтора, глядя на него как на идиота.

– Но ведь именно Ключ и вызвал поразившую его напасть!

– Когда мы – ваш брат и я – беседуем, бывают мгновения, когда я вижу в нем прежнего принца. Словно он заточен в тюрьме собственного разума, но как бы упорно он ни старался, у него не хватает сил вырваться на волю. А у Ключа как раз есть нужная ему сила.

– Вы не знаете наверняка, прелат Фэнхоу. Эта попытка может с такой же вероятностью ухудшить его состояние или даже убить.

– Может, ваше величество, – признал он. – Но не думаю, что это произойдет. Я считаю, что раз принц настроен на Ключ, то он сможет применить его для самоисцеления.

– Тогда почему он не сделал этого сразу, как только заболел?

– Потому что перебрал с применением Ключа. И Ключ подчинил его. Теперь же, когда они так долго пробыли друг без друга, принцу, возможно, удастся вновь утвердиться в качестве хозяина.

Арива снова взяла Эдейтора за руку и притянула к себе.

– Но вы не уверены, не так ли?

– Как я сказал, риск есть.

Арива долго не говорила ни слова, и Эдейтор затаил дыхание.

– Если я соглашусь, когда мы этим займемся? – спросила она наконец.

– Мы дадим ему Ключ в одно из тех мгновений, когда он больше всего похож на прежнего себя. Будем надеяться, его окажется там достаточно, чтобы применить Ключ.

– Я подумаю над этим и дам знать о своем решении. – Арива кивнула. – И от всей души желаю, чтобы вы придумали какой-нибудь другой способ.

– Так же как и я, ваше величество, – согласился Эдейтор.

После встречи с приходскими священниками отец Роун последовал за Поулом в библиотеку. Поул остановился перед Книгой Дней.

– Вы знаете, что это такое?

– Конечно, ваша милость, – ответил Роун.

Поул положил ладонь на книгу и побарабанил пальцами. Роун терпеливо ждал. Наконец примас заговорил:

– Одна из моих обязанностей – вносить записи в эту книгу.

– Да, ваша милость.

– Каждодневно.

Роун кивнул.

– С тех пор, как умер мой предшественник, мои мысли занимало весьма многое.

– Произошли значительные и трагические события, – поддакнул Роун, начиная теряться в догадках, в чем же суть этой беседы.

– Для меня оказалось невозможным справляться со всеми обязанностями примаса. В конце концов, наследование сего поста оказалось неожиданным.

– Неожиданным? – Роун поднял брови. – Но разве примас Нортем не сообщил вам имя божье...

– Да-да, – раздраженно перебил его Поул. – Я не имел в виду, что *МОЕ* наследование было неожиданным. Я хотел сказать... – Он протер глаза большим и указательным пальцами. – Боже... я хотел сказать, что *СМЕРТЬ* Нортема оказалась неожиданной.

– Ах да, конечно.

– Суть в том, что вам, как секретарю, думаю, следовало напомнить мне о моих обязанностях, когда я пренебрег... нет... ненамеренно уклонился... от их выполнения.

– Понимаю, – упавшим голосом промолвил Роун.

– Разумеется, это не выговор...

– Конечно, – согласился Роун, но Поул видел, что священник этому не верит.

– Просто я знаю, как вы преданны своей службе, и хотел бы, чтобы мне показывали, где наблюдаются определенные недостатки... – Вместо окончания фразы Поул туманно помахал в воздухе рукой.

– Понимаю, и благодарю вашу милость за указание на мои ошибки.

– Я принимаю как данность, что являюсь всего лишь слабым человеком, столь же подверженным оплошностям, как и любой другой – как подвержены им мы оба, – и нахожу необходимым, чтобы мне время от времени напоминали, когда я не оправдываю ожиданий. Таких, как заполнение Книги Дней.

– Понимаю, ваша милость. В дальнейшем я приложу больше стараний.

Поул попытался улыбнуться, но от этого его лицо лишь сделалось еще мрачнее.

– Хорошо. Превосходно. Могу я спросить у вас, почему вы не напомнили мне о Книге Дней?

– Простите, но я думал, что у вас и так чересчур много забот в тяжелые времена, следовавшие за смертью примаса Нортема, и боялся обременять вас необязательными мелочами. И я не был уверен, что вы забыли. Вы могли прервать продолжение традиции и по какой-то другой причине.

– Понятно. Ну, теперь мы оба лучше понимаем, на чем стоим.

– Да, ваша милость.

– Хорошо. Благодарю вас.

Роун поклонился и вышел. Поул смотрел ему вслед, безмолвно кляня себя за запугивание Роуна; ведь священник не сделал-ничего, заслуживающего подобной немилости – Роун не был виноват в том, что, сам того не ведая, заменил Поула в качестве намеченного его предшественником кандидата в примасы Церкви. Знание об этом и толкнуло Поула на убийство Нортема. Поул повернулся к книге и извлек из кармана в мантии перо и бутылочку чернил. Осторожно отвинтив крышку бутылочки, он обмакнул перо и поднял его, готовясь писать.

Но у него не было слов. У него напрочь отсутствовали какие-либо благочестивые мысли, какие-либо откровения. Поул, примас Церкви Подлинного Бога, не мог добавить в Книгу Дней ничего подлинного.

ГЛАВА 10

Серефа наслаждался первым часом трудов, наполняя бочонки водой и привязывая их к спине приписанного к сторожевому посту осла. Утро выдалось жаркое, с поднимающимся от земли легким туманом и поющими вдоль ручья птицами. Прежде чем приняться за работу, он скинул одежду и искупался, а потому чувствовал себя освеженным и в ладу со всем миром.

Однако когда он поднял шестой бочонок, то смотрел уже куда менее оптимистично – на жизнь вообще и на работу на сторожевом посту в частности. Воображение начало рисовать ему картины того, как другие рыцари наслаждаются в Даависе приятным обществом, хорошим вином и удобной постелью по ночам. А он здесь не видел ничего, кроме пресной воды, попоны и трех рыцарей, от которых воняло еще хуже, чем от него. И это постоянное птичье пение начинало уже его раздражать.

Привязав шестой бочонок, Серефа быстро надел свои перепачканные кожаные бриджи и безрукавку. Начал было пристегивать поножи и нагрудник, но зной все нарастал, и он передумал. Засунув их между бочонками, рыцарь зашагал обратно к сторожевому посту, находящемуся всего в лиге от него – на вершине крутого холма. В желудке у него громко урчало, и он надеялся, что один из оставшихся в лагере дозорных уже развел костер для приготовления завтрака. Тут он обругал себя, так как позабыл, что в его обязанности нынешним утром входила и доставка дополнительного хвороста для костра. Он уже собирался повернуть обратно, когда заметил поднимающийся с вершины холма дым.

Должно быть, карауливший на рассвете Ворот сумел наскрести достаточно щепок и прутьев для приготовления завтрака. Серефа решил, что хворост вполне может собрать попозже, и снова принялся взбираться на холм – но опять остановился, увидев, насколько же большой костер разжег Ворот.

«Опять у него подгорит солонина, – сказал себе Серефа. Над холмом поднялись клубы густого белого дыма. – Этот придурок пустил на топливо свежесрубленные ветки, предназначенные для сигнального костра...»

– Дерьмо! – выругался он.

Выпустив недоуздок, за который вел осла, Серефа со всех ног взбежал на холм. Он застал товарищей уже одетыми и держащими под уздцы своих лошадей. Его конь ждал оседланный.

– Где? – спросил он.

Ворот показал на северо-восток, и Серефа увидел там длинную движущуюся цепь вражеских солдат. Судя по скорости передвижения, солдаты эти были кавалеристами – при том, что с высоты они выглядели словно муравьи.

– Около ста всадников?

– Около того, – согласился один из рыцарей. – Разведотряд.

– И движется к нам, – рассеянно произнес Серефа, ни к кому конкретно не обращаясь. В животе у него снова громко заурчало. – Им еще по меньшей мере час ехать.

– Твоему брюху придется подождать, пока мы не окажемся в Даависе, – фыркнул Ворот.

Они принялись спускаться с холма и на полпути к подошве встретили осла. Прежде чем продолжить спуск, они наполнили из бочонка фляги, а Серефа еще и забрал доспехи.

– Думаете, это четты? – спросил Серефа.

– Можешь подождать и спросить у них, если охота, – отозвался Ворот.

– Спасибо за любезное предложение, но предпочитаю не...

Ворот вскрикнул и повернулся в седле. Прежде чем он свалился с коня, у Серефы хватило времени разглядеть торчащую из глазницы короткую черную стрелу. Что-то просвистело возле его уха, и он услышал, как ехавший позади рыцарь всхлипнул, захлебываясь кровью. Недолго думая, Серефа всем телом рухнул на шею коня и всадил шпоры ему в бока. Но конь

слишком боялся крутого склона, чтобы пуститься вскачь, и Серефа, выругавшись, бросился наземь. Едва он упал, в седло со стуком воткнулась стрела, а затем еще одна вонзилась в шею животного. Конь пронзительно заржал и рухнул. Третий рыцарь полубежал-полукарабкался вниз по склону. Он почти добрался до подошвы холма, когда из какой-то впадины выскочил единственный четт с луком и воспользовался им как топором, с размаху ударив рыцаря по лицу. Рыцарь упал навзничь, дернулся, словно марионетка, а затем перестал двигаться.

Серефа выхватил меч и бегом бросился вниз по склону, оскальзываясь и съезжая, глядя, как четт выправляет свой лук и накладывает на тетиву еще одну стрелу. Когда до врага оставалось всего два шага, ноги выскользнули из-под дозорного, и поспешно выпущенная стрела лишь рассекла ему волосы. Серефа не мог управлять своим падением и врезался в четта всем телом, от чего полетел кувырком в ту самую впадину, где тот недавно прятался. Когда рыцарь вновь поднялся на ноги, он выглянул из-за края впадины и увидел, что четт сломал себе шею. Меч его потянул внезапно ослабевшую руку к земле, плечи опустились.

А затем ему пришло в голову, что четт мог быть не один. Он лихорадочно огляделся кругом, но не увидел никаких признаков других врагов. Сдерживая норовящее бешено заколотиться сердце, он проверил, как обстоят дела у его товарищей. Все трое оказались убитыми. Две лошади тоже были убиты, а еще одна охромела. Четвертого коня – принадлежащего Ворату – он не увидел. Серефа услышал какой-то звук и, подняв взгляд, успел заметить, как незнакомая лошадь обогнула холм, галопом несясь на север. Скакун четта, здраво рассудил он. Что он мог теперь предпринять? Если попытаться вернуться в Даавис пешком, вражеская колонна наверняка догонит его. Громко заревел осел.

– Заткнись, – резко бросил Серефа.

И моргнул. Осел. Бросив меч в ножны, он быстро сгрузил бочонки с водой и, взяв осла за недоуздок, спустился с ним к подошве холма. Едва оказавшись там, он осторожно забрался животному на спину. Без седла и стремян ему потребовалось потратить некоторое время, чтобы начать двигаться в нужном направлении, но в конце концов они тронулись аллюром, который был бы для лошади чем-то вроде медленной рыси. Если повезет, он будет опережать четтов ровно настолько, чтобы уцелеть, пока не доберется до Даависа.

«Если повезет», – повторил он про себя.

Внезапно ему пришло в голову, что пребывание в Даависе, возможно, отнюдь не делает его положение более надежным. Если разведотряд четтов направлялся на юг, то, скорее всего, от него не сильно отстала и армия четтов, и Серефа без труда догадался, куда именно та направляется.

Малли бросил игральную кость. Та упала пятеркой кверху.

– Вот оно! – крикнул он. – Как раз то, что мне нужно! – Он передвинул свой белый камешек на пять клеток по нацарапанной многоугольной игровой площадке, поставив его на красный камешек. – Твой герцог готов!

Старый солдат хмыкнул, а затем улыбнулся сидящему напротив него мальчику.

– В самом деле. По-моему, ты выиграл войну. Малли ухмыльнулся во весь рот.

– Ты дал мне выиграть, Бреттин?

– Я не стал бы тебя так обманывать, Малли, – заверил его солдат.

Не вполне правдиво. Когда внук только осваивал эту игру, Бреттин не раз позволял ему выигрывать, но уже больше года не поддавался. И Малли выигрывал чаще, чем проигрывал. Он был мальчик смысленный. «Слишком смысленный, чтобы служить солдатом, – подумал Бреттин. – Увы, ничто иное его не интересует. Ну, его бедняга отец пошел в меня, так что это не удивительно».

– А что ты держал в своем замке? – спросил Малли.

– Давай посмотрим. – Бреттин перевернул ракушки, скрывающие последние несколько камешков. – Два копьеносца и лучник. А как у тебя?

Малли поднял одну за другой свои ракушки. Ни под одной из них ничего не оказалось.

– Вот шельмец, – рассмеялся Бреттин. – Я же мог в любое время взять твой замок.

– Но ведь не взял же, – рассмеялся в ответ Малли. – Сыграем еще?

– Мне скоро в дозор, Малли...

– Ну пожалуйста, Бреттин. Это же займет не больше нескольких минут.

– Боже, и кто это вдруг сделался таким самоуверенным? – Он взъерошил Малли волосы. – На этот раз я расставляю первым.

Малли согласился и встал поразмять ноги. Бреттин собрал все камешки и начал развешивать свои войска, выбрав на этот раз построение «тараном» с поддерживающими его мечниками. Отец Малли хорошо владел мечом, вспомнил он. Но не настолько хорошо, чтобы отбиться от четтского улана. Он заставил себя думать о другом. О внуках. Это подойдет. И о своей невестке, которую он любил, словно родную дочь, и которая отвечала ему такой же любовью. О маленьком Сервене, всего двух лет от роду, и о милом Малли, которого он любил больше всего остального в мире. Надо будет поговорить с матерью Малли о настоящей школе и настоящей работе для мальчика – такой, при которой он не вывалит свои кишки на каком-нибудь проклятом пыльном поле боя. Тут на глаза у него навернулась слеза. Он стер ее загорелым пальцем и сосредоточился на своих фигурах.

А Малли тем временем воспользовался дозволением находиться на стене. Дед его нечасто выходил сюда с дозором, а он любил смотреть сверху на город, на широкую, плавно несущую свои воды реку Барду на юге и на обширные, слегка всхолмленные сельские просторы на севере. В один прекрасный день он станет путешественником, проследует вверх по Барде до ее истока в горах Уфери и найдет золото. А когда разбогатеет, он создаст для великой королевы Кендры армию и поведет ее на север громить Хаксус, а потом в Океаны Травы – отомстить четтам за смерть отца. На север, через все эти лиги ферм, полей и пологих холмов...

– Бреттин!

– Да, Малли.

– Я вижу дым.

– С фермы?

– Нет. Белый дым. Целый столб дыма. А вон еще один, южнее первого.

Бреттин встал так быстро, что уронил копьё.

– Твою мать! – произнес он себе под нос. – Они идут.

Малли, хорошо знавший, когда надо притворяться, будто он не слышит, как ругается Бреттин, а когда не надо, уточнил:

– Четты?

Бреттин кивнул и, подобрав копьё, рысью бросился к ближайшей башне – поднять тревогу, – сопровождаемый бегущим за ним по пятам Малли.

Этот белый дым наблюдали и другие – но для них он означал нечто иное.

– Сожалею, Линан, – повинулась Коригана. – Разведчики подкачали. Даавис успели предупредить.

Линан устало кивнул.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь. На сей раз враг подготовлен лучше. Я не рассчитывал, что они так быстро установят столько сторожевых постов.

– Если поднажмем, армия может к ночи достичь Даависа.

– Нет. Мы прибудем слишком поздно и слишком усталыми для боя. Вскоре стемнеет и городские ворота просто запрут, а от нашей кавалерии будет мало проку. Подождем до завтра.

– Хаксусские солдаты хотят, чтобы мы нарубили леса для их машин.

– Прекрасно. Но не сейчас. Вот когда доберемся до города, тогда и придет время вырубить, если понадобится, целые леса. А пока нам незачем тащить с собой больше необходимого. Эта армия и так движется довольно медленно.

– Ты привык к четтской армии. – Коригана усмехнулась. – А у нас теперь и пехота Салокана.

– Притом деморализованная пехота. Слишком часто ее били в этом году, чтобы сохранилось хоть какое-то рвение.

– Победа это исправит.

– Тогда давай надеяться, что мы им ее подарим.

Коригана изучила взглядом лицо Линана. Она увидела морщины беспокойства, залегшие в уголках его рта и глаз, глубокие складки, казалось, навсегда избородившие лоб. Кампания в Хаксусе была стремительной, жестокой, но Коригана и не представляла, сколько сил она отняла у него. Королева хотела наклониться и поцеловать его, но сделать это на глазах армии значило поставить его в неловкое положение.

– Ты одержишь свою победу, любовь моя, – прошептала она.

– На этот раз да. Я не позволю Гренде-Лир дважды разбить меня. – Он повернулся к ней и чуть улыбнулся. – Нисколько не сомневаюсь в этом.

Коригана увидела, что это правда, и ощутила укол страха. С той ночи, когда они занимались любовью, она надеялась, что ей удалось что-то узнать о нем. Но при ясном свете дня она понимала, что надежда эта бесплодна. Он был чем-то новым в ее опыте – воином и одновременно невинным мальчиком, и она не представляла, как это понять. В ярости, когда он становился больше чем человеком – или, может быть, меньше, чем человеком, – Линан просто ужасал, и все же в остальное время он казался малышом, почти ребенком – но отягощенным непосильным бременем. Он не хотел сражаться, но только битва раскрепощала его; вся беда в том, что Коригана сомневалась, сможет ли когда-нибудь полюбить Линана, сметающего все на своем пути, Линана, которого невозможно даже ранить, того, кто упивался резней. И все же именно эти качества привязывали к нему тех, кто следовал за ним. Воины-четты считали Линана чуть ли не богом. Если понадобится, они пойдут за ним на верную смерть, притом охотно. И Коригана знала: если это пойдет на пользу его делу, он не колеблясь пошлет их на верную смерть.

«В этом наше отличие», – сказала она себе, молясь, чтобы это было правдой.

Фарбен сделал вид, будто не заметил, что Чариона и Гален вышли из ее опочивальни вместе, быстро застегивая пояса с мечами и натягивая через голову длинные кольчуги. Собственно, он надеялся, что любовник может улучшить печально известный вспльчивый нрав королевы.

– Два сигнальных огня? – отрывисто потребовала она ответа. Ну, возможно, это *СО ВРЕМЕМ* улучшит ее нрав.

– Да, ваше величество.

– Только два?

Фарбен вздохнул. Сколькими способами она собирается задать этот вопрос?

– Да, ваше величество.

Чариона и Гален переглянулись.

– Это означает, что разведчики четтов сильно опережают свою армию, – сделал вывод Гален. – Только так они могли внезапно захватить столько сторожевых постов.

– Возможно, нам повезло, что мы вообще получили предупреждение.

– Я немедленно отправлюсь туда с подразделением рыцарей. Посмотрим, не удастся ли нам определить, в каком направлении они наступают.

– Нет, – отрезала Чариона.

Фарбен заметил, как на лице Галена промелькнуло раздражение. О, замечательно. У них обоих нрав как у больших медведей в течке. Только этого двору и не хватало.

– Но нам же надо узнать, какие намерения у Линана, – настаивал Гален.

– Ты думаешь как командир полевой армии, а не армии города, готовящегося к осаде. Мы и так знаем, какие намерения у Линана. Он идет прямо на нас. И нам известно, как быстро может передвигаться армия четтов. Если они не будут здесь к вечеру, то уж к завтрашнему дню придут наверняка. Что еще ты сможешь узнать, отправившись со своими рыцарями на север от города? Я имею в виду, помимо того, какое ощущение бывает у проткнутого четтской стрелой.

Гален открыл было рот, собираясь ответить, но мозг у него работал быстрее языка, и он снова закрыл его. Это Фарбен тоже заметил, и решил, что у этого кендрийского аристократа – равно как и у Чарионы, – возможно, все-таки есть какие-то компенсирующие черты.

– Собери своих рыцарей вместе и не пускай их на стены. Я не хочу, чтобы они были привязаны к обороне; для этого у меня есть уйма пехоты. А мне нужны войска для вылазки.

Гален мрачно улыбнулся.

– Это подойдет нам больше всего, – признал он. – А чем собираетесь заняться вы?

– Мое место – с моим народом. Ты сможешь найти меня на стенах.

Они на мгновение остановились, обменявшись взглядом, который Фарбен мог истолковывать, как ему хотелось, и разошлись в разные стороны. Фарбен последовал за Чарионой, сосредоточившись в ожидании инструкций, которые обязательно последуют.

– Во-первых, все мои командиры должны встретиться со мной у главных ворот. Во-вторых, все способные держать оружие должны взять его из арсенала, в том числе и легкораненые. В-третьих, отправь в Кендру почтового голубя. Сообщи им, что через день нас осадят. Спроси у них, не подходит ли к нам на выручку армия. Какие угодно войска. И как насчет Джеса Прадо и его наемников? Где они?

– Да, ваше величество.

Они вышли из дворца и зашагали по центральному проспекту города к главным воротам.

– Ты все еще следуешь за мной, Фарбен?

– На случай, если у вас есть еще какие-то указания, – принялся оправдываться он.

– У меня больше нет указаний, – сказала она. – Пока.

Основная часть сил Линана прибыла под стены Даависа, когда уже почти стемнело. Следуя недвусмысленным указаниям не штурмовать город, четтские знамена держались за пределами досягаемости луков. Когда вскоре после наступления ночи прибыл и Линан, он выслушал доклады командиров знамен и разведчиков, а затем решил проехаться и лично осмотреть городские стены.

– Но ведь темно же, – указал один из офицеров.

– Я все увижу довольно неплохо, – натянуто улыбнулся Линан.

Офицер покраснел.

– Мне не следовало сомневаться...

– Не оправдывайся, – прервал его Линан. – В сомнении нет ничего плохого.

Командиры армии поклонились и вышли; в шатре остались только Коригана, Эйджер и Гудон.

– А насколько хорошо ты видишь ночью? – спросил Эйджер.

– Почти так же хорошо, как ты днем.

– Это говорит отнюдь не о многом. – Эйджер похлопал себя по пустой глазнице.

– Думаю, ночное зрение у меня не хуже, чем у Силоны.

Упоминание имени лесной вампириши заставило всех собравшихся умолкнуть. Линан обвел внимательным взглядом их лица, замечая, что все избегают встречаться с ним взглядом, даже Коригана. Это заставило его почувствовать себя одиноким.

– Мне лучше не медлить, – сказал он, направляясь к лошади.

– Составить тебе компанию? – спросила Коригана.

Линан поднялся в седло и посмотрел с его высоты на маленькую группу своих друзей. В их глазах он увидел любовь и в свою очередь почувствовал прилив любви к ним всем – и гнетущий страх, что ему не удастся защитить их от беды. «Я испытываю к ним отцовские чувства», – подумал Линан, забывая, что он самый младший из всей четверки.

– Да нет, со мной все будет прекрасно, – успокоил он Коригану и чуть тронул шпорами лошадь.

Гудон поехал рядом с ним. Линан улыбнулся ему.

– Не веришь, что со мной все будет прекрасно?

– Что ты, маленький господин, я верю, что с тобой все будет прекрасно, даже если ты искупаешься в Барде посреди стаи джайзру.

Улыбка Линана превратилась в усмешку. Он живо вспомнил ужас и панику, которые ощутил, когда в первый и последний раз столкнулся с летающими угрями. Неуязвим он или нет, ему не хотелось бы вновь пережить тот опыт.

– Тогда ты, должно быть, собираешься сказать мне что-то очень важное и очень мудрое.

– Ты надо мной смеешься, – неискренне обиделся Гудон, отвечая на усмешку Линана.

– В самом деле, – признал Линан. – Так что выкладывай.

Выражение лица Гудона стало более серьезным.

– Ты не сможешь защитить нас, прогоняя от себя.

Линан даже не пытался скрыть удивления.

– Как ты узнал?.. Гудон только рукой махнул.

– Мы слишком многое пережили вместе, чтобы я не понимал, что ты иногда думаешь, а иногда чувствуешь, особенно относительно тех, кто тебе небезразличен. Потеря Камала ранила тебя глубже, чем ты когда-нибудь признаешься, даже самому себе. Но ведь это же война, Линан, и мы связали свою судьбу с тобой – к добру или к худу. И все мы приняли свое решение самостоятельно. Не поворачивайся к нам спиной, думая, будто тем самым уберешь нас от зла.

Линан покраснел.

– Я никогда не повернусь к тебе спиной, Гудон, и ни к кому из других.

– Не намеренно. Мы твои друзья, Линан, твои товарищи по оружию, а не твои дети.

– Я не забуду, – кивнул Линан.

Гудон улыбнулся.

– Тогда это вся мудрость, какой я хотел поделиться с тобой! – провозгласил он и остановил лошадь, давая Линану проехать вперед.

Но не проехал тот и пятидесяти шагов, как к нему подъехала всадница.

– Куда едешь, Линан? – спросила она.

– Дженроза. У тебя все хорошо?

– Мы должны кое о чем поговорить.

– И ты туда же? А нельзя ли подождать с этим? Я хочу осмотреть стены Даависа...

– Я поеду с тобой, – заявила она таким тоном, который означал: «Я поеду с тобой независимо от того, нравится тебе это или нет».

– Ты пропустила мой вопрос мимо ушей, – заметил Линан.

Словно в доказательство данного наблюдения, Дженроза продолжала игнорировать его. Они вместе выехали из лагеря. Городские стены выросли перед ними, белея на темной равнине. На взгляд Линана они выглядели внушительными, и он помнил, что они достойно пока-

зали себя в противостоянии Салокану. Он подсчитал башни, сумел разглядеть даже шлемы и копья городских стражников, когда те обходили стены дозором. Сперва он поехал на восток, а затем на юг, к берегу Барды. Там он повстречал дозорных из эйдже-ровского клана Океана, с луками поджидавших в засаде любую баржу, которая попытается уплыть из города вниз по течению.

«Мне следовало об этом подумать, – сказал себе Линан. – Что еще я упустил? Что бы сказал мне сейчас Камаль?»

Мысль о Камале наполнила его печалью. У него все еще не нашлось времени толком погоревать о смерти друга. С самой смерти отца, которого Линан лишился в детстве, Камаль всегда был ему учителем и опекуном и любил его, как родного сына. Он взглянул на Дженрозу и понял, что смерть Камалю стала для нее по меньшей мере столь же тяжким горем. Почему она еще не заговорила с ним? Она ведь сказала, что ей надо с ним о чем-то поговорить.

– Я тоскую по Камалю, – сказал он вдруг, удивленный этими словами.

А затем – с неожиданной уверенностью – понял, почему произнес их.

Дженроза выглядела захваченной врасплох. Линан расслышал, как участилось ее дыхание.

– Сейчас не время...

– Именно сейчас самое время, – быстро перебил он. – Мы по-настоящему не разговаривали после его смерти. Не сидели рядом и не говорили как друзья; не вспоминали его вместе как друзья. Я даже с Эйджером ни о чем таком не говорил.

– Я не хочу говорить об этом, – ровным голосом отозвалась она. – Не хочу вспоминать ту боль. Мы в самом разгаре войны, и к концу ее смерть Камалю будет представляться... – Дженроза умолкла. Она собиралась сказать «незначительной», но ложь застряла у нее в горле.

Он потянулся взять ее за руку, но она отшатнулась. Униженный, не зная, что теперь делать, он убрал руку. Дженроза тоже казалась неуверенной и не знала, что сказать и куда смотреть.

Наконец Линан спросил:

– Для чего ты хотела меня видеть?

Какой-то миг Дженроза выглядела так, словно не понимала вопроса.

– Извини, – начала было она, но он оборвал ее взмахом руки.

– Для чего ты хотела меня видеть? – настаивал он, теперь уже сурово.

– На четтов напали в Океанах Травы.

– Да кто может напасть на четтов? – с явным недоверием спросил он.

– Враг, сражающийся пешим, со знаменем, изображающим птицу, которой я не узнала.

– Откуда ты об этом знаешь? Что за магия?..

– Сильная магия, как уверяет Подытоживающая. – Дженроза собиралась сказать еще что-то, да передумала.

– Ты уверена, что это не событие, случившееся в отдаленном прошлом? Или еще не случившееся?

Она покачала головой.

– Я применила магию два утра назад. И уверена, что увидела нападение, когда оно происходило.

– Два утра назад? – переспросил он, внезапно разъярясь. – Боже, женщина, отчего ты тогда же не сказала мне?

– Потому что я не была уверена в том, что сделала и увидела – Дженроза внезапно занервничала.

– НЕ УВЕРЕНА?

Он чуть ли не проревел это. Дженроза услышала, как слова звенят, раскатываясь по полям.

– Не уверена относительно своей магии, – быстро пояснила она, пытаясь не повышать голоса. – Я не хотела верить, что могу сделать такое.

Линан откинулся в седле. Охватившая его ярость схлынула, оставив его в замешательстве. Он не понял, что именно она имела в виду, но почувствовал сидевший в ней страх.

– Но, Дженроза, два дня...

– *ТЕПЕРЬ* я здесь, – сказала она. – И я не могла сказать тебе об этом при других. Мне пришлось дожидаться, когда ты останешься один.

– Почему?

– Напали на клан Лошади, Линан. Произошла настоящая резня. Я не уверена, но думаю, что людей уцелело не больше горстки.

– Клан Эйнана? – Он был ошеломлен. – Истреблен?

Она кивнула.

– То, что осталось от него в Океанах Травы.

– Боже...

– Теперь у него есть только те воины, которых он привел с собой служить тебе.

– Это я виноват, – едва слышно пробормотал Линан.

– Глупости, – резко возразила Дженроза. – Ты не знал, что это произойдет. И кто может утверждать, что исход был бы иным, будь Эйнон по-прежнему там? Но он захочет вернуться.

– Нет, – резко отозвался Линан.

– Что ты имеешь в виду? Он обязан вернуться в степь.

– Ты сама сказала, что уцелело, вероятно, не больше горстки лошадиников. К кому возвращаться?

– Но ведь враги, кем бы они ни были, скорее всего, по-прежнему там! – возмутилась она, повышая голос. – С ними надо разделаться!

– Эйнон и его воины нужны мне здесь – для штурма Даависа. Если он кинется в Океаны Травы, мне придется снять осаду, и мы потеряем инициативу. Я не могу позволить себе дать Ариве возможность распоряжаться происходящим на этой войне. Кроме того, откуда ты знаешь, что напавшие по-прежнему в степи?

– Но если они все-таки там, то могут опустошить все Океаны Травы!

– Я не позволю опустошить их! – отрезал он. – В степи еще тысячи воинов...

– Самые лучшие с тобой, Линан. Ты сам это знаешь.

– Я поступлю так, как будет лучше для всех четтов, – упорствовал Линан.

– Ты хочешь сказать, как будет лучше для тебя. А это не обязательно одно и то же.

– Я поступлю так, как будет лучше всего для четтов, – холодно повторил он. – Их отступление в Океаны Травы не пойдет на пользу никому, кроме Аривы.

– Эйнон все равно узнает.

– Я не могу помешать тебе рассказать ему...

– Да прекрати, Линан! Он узнает не от меня! Даже если никто не спасся, дозорные какого-нибудь другого клана рано или поздно набредут на место битвы. Или, того хуже, те, кто напал, кем бы они ни были, нанесут удар еще по одному клану. Сколько, по-твоему, пройдет времени, прежде чем прискачет всадник с новостями? Месяц? Меньше?

Он взглянул на стены Даависа.

– Мне и нужен всего месяц.

– И что потом? Весь Хаксус и Хьюм у тебя под пятой, что дальше в твоем списке?

– О чем ты говоришь? Речь идет не просто о Линане Розетеме. Речь идет о разоблачении убийц Береймы. Речь идет об Ариве, посылающей против четтов наемников. Речь идет о сохранении свободными торговых путей между западом и востоком. Речь идет о возвращении Эйджеру капитанского мундира. – Он ткнул пальцем в сторону Дженрозы и начал повышать

голос. – И речь идет о твоём возвращении в теургию, что *ЕДИНСТВЕННО* волновало тебя с тех пор, как мы сбежали из Кендры!

Дженроза, не задумываясь, отвесила Линану оплеуху. Он отпрянул от нее, словно спущенная пружина. Магичка посмотрела на свою руку, и ей на мгновение показалось, что она видит кровь. Вскрикнув, она вытерла ее о жилет и снова посмотрела на ладонь. Там ничего не было, даже пятна. Когда девушка снова подняла взгляд на Линана, тот уже ускакал, снова направляясь на север. Долгое время она не двигалась с места. Сделанное парализовало ее.

– Извини, – проговорила Дженроза – слишком тихо для того, чтобы Линан ее услышал.

ГЛАВА 11

Снова ночь. Амемун с долгим вздохом выбрался из-под плаща. Поблизости готовили еду, и его притягивало к ней примерно так же, как, казалось, тянуло к нему в последнее время блох. Один из сараныхов протянул ему кусок говядины, который Амемун с благодарностью принял. В ходе похода в Океаны Травы он не голодал, но находил потребляемые обычно сараныхами вяленую баранину, сушеный йогурт и лепешки с тмином столь же привлекательными на вкус, как пергамент. Когда он жевал свежее мясо, появился Декелон, дающий указания раненым воинам. Их отправляли обратно на родину вместе с уцелевшим скотом и другой добычей, взятой у клана четтов, вырезанного два дня назад. Они могли бы увезти больше, если б отправились домой верхом или использовали трофейных четтских лошадей в качестве вьючных животных – но, как объяснил ему Декелон, ни один сараных свыше ста лет ни разу не ездил верхом, да и пустынная местность не позволяла содержать большое количество лошадей. Но даже раненые тащили на себе кучу добычи, казавшуюся со стороны небольшой горой. Амемун прекрасно представлял, с какой радостью будет принят этот пеший караван в их бедной стране.

Декелон прихватил еды и присоединился к Амемуну.

– Куда дальше? – спросил его Амемун.

– На запад. Степь делается все суше, и кланы все больше разбредаются.

– Меньше добычи для твоих бойцов.

– Меньше вероятности оказаться обнаруженными, – привел контрдовод Декелон. – А это сейчас важнее.

– Но поскольку большинство четтских воинов – на востоке с Линаном Розетемом, тебе не следует беспокоиться о том, как бы вас не обнаружили. Вы можете справиться с любым одиночным кланом...

– Покуда армия Линана Розетема остается на востоке, – спокойно перебил Декелон.

Амемун настороженно посмотрел на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Прошлой ночью гонец принес послание от твоего короля.

– От Марина? Что за послание?

– Армия Гренды-Лир разбила этого Линана в битве около города Даависа, и это произошло вскоре после того, как та же армия вынудила короля Хаксуса отступить, сняв с города осаду.

– Будь благословен Владыка Горы! – воскликнул Амемун. Новости были даже лучше, чем он ожидал. И так быстро! Он боялся, как бы война не затянулась на долгие месяцы или даже на годы. При таких темпах Линана и его четтских союзников вытеснят обратно в степь еще до окончания лета.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – сказал Декелон. – Это означает, что поддержка, обещанная нам твоим королем, иссякнет, как одна из наших речушек летом?

– Нет никаких причин полагать, будто одна битва положит конец войне, – не замедлил с ответом быстро соображающий Амемун.

– Но *ты* как раз думал о скором окончании. И ты не ответил на мой вопрос.

– Деньги поступят, как обещано. Порукой тому моя собственная жизнь.

– Именно так я и думал, – медленно проговорил Декелон.

Амемун решил, что пора сменить тему.

– Марин передал еще какие-нибудь новости?

Декелон кивнул.

– Но это были плохие новости. Королева потеряла своего ребенка.

– А рива?..

- Дочь. Внучка Марина, как я понимаю.
- А королева? – тихо спросил Амемун.
- Об этом Марин ничего не сообщает.
- Значит, она осталась в живых, – с уверенностью заключил Амемун. В плане Марина – их плане! – столь многое зависело от ребенка, который родится у Аривы и Сендаруса. Если Арива осталась жива, они могут сделать еще одну попытку.
- В послании содержалась еще одна весть, – осторожно сказал Декелон. – Твой король говорит, что она принесет тебе большое горе.

Ночь выдалась безлунной. Океаны Травы тянулись по обе стороны от Амемуна, словно темное море без волн. Саранахи постоянно передвигались в изнуряющее быстром темпе, несясь странным полулегким шагом, проглатывая лигу за лигой. Вплоть до сегодняшней ночи они часто делали привалы, позволявшие Амемуну не отставать от них, но в эту ночь обходились без всяких привалов. Амемун, находившийся в конце колонны, пустил в ход всю свою энергию, стараясь не отстать от смутной тени бегущего впереди воина. Он знал, что Декелон делает это с целью не дать ему, Амемуну, предаться горю; на свой лад Декелон оказывал ему услугу. Но в глубине души Амемун знал, что горе будет ждать своего часа. Он боялся, оно окажется столь велико, что убьет его.

Под ясным небом с его мириадами звезд, несясь по просторам великой степи, Амемун обнаружил, что его разум дрейфует между прошлым и настоящим. Бывали времена, когда он верил – фактически точно знал, – что Сендарус все еще жив, а затем вселенная делала полный оборот, и тяжесть правды наполняла его болью, какой он никогда раньше не испытывал. Самое тяжелое для Амемуна – мудрого советника, терпеливого наставника, опекуна принца – заключалось в том, что хотя он знал, какой огромной трагедией была смерть Сендаруса, но все же никак не мог постигнуть этого. Он никогда не верил, что в мире может существовать нечто, настолько выходящее за рамки его опыта, за рамки его знаний и представлений, – и понимание, что нечто подобное все-таки существует, превращало в насмешку все, чему он научился и во что верил.

«Внутри у меня теперь пусто, – подумал он. А затем поправился: – Нет, не совсем пусто».

В самой глубине своего существа он ощущал яркую, страшную язву. Он проживет достаточно долго, чтобы добиться падения и уничтожения тех, кто убил его любимого Сендаруса.

Марин сидел один за большим столом в огромном каменном зале своего дворца в Пилле. Слуги толпились поблизости, но всегда за пределами круга света от свечи. Они походили на серых призраков среди гобеленов и дверей.

Ночь выдалась холодная. Лето иногда забывало навестить Пиллу, угнездившуюся высоко на своем горном насесте. Марину думалось, что холод придавал миру грандиозную четкость: иней очерчивал каменную кладку, снег открывал ландшафт, выдыхаемый пар отмечал жизнь. И холод подходил к печали, думал король; он соответствовал твердому уму, погруженному в горе.

Он презрительно улыбнулся невидимым слугам. Они думали, будто он много пьет. После того, как он всю жизнь старался сделать лучше жребий своего народа и королевства, они не могли вынести мысли о том, что король делает что-то для себя, даже если он всего лишь жалеет себя.

Он бухнул по столу кубком. В поле зрения тут же появился слуга с кувшином и налил ему еще вина, а затем снова шмыгнул прочь. Марин поднял кубок и молча выпил за покойного сына. Сделав большой глоток, он снова поднял кубок и выпил за своего брата, Оркида, находившегося столь далеко. Еще один большой глоток – и еще один безмолвный тост. За Амемуна, где бы тот ни был.

Ночи исполнилось четыре часа, когда колонна остановилась. Амемун облегченно опустился на землю, но какой-то воин нашел его и передал, что Декелон хотел сейчас же его видеть. Он последовал за воином назад к авангарду, где ждал его Декелон с тяжело дышащим от усиленного бега разведчиком.

– Тебе следует услышать об этом, – сказал Декелон и кивнул разведчику.

– Дозорные, – шумно выдохнул тот. – Примерно в трех лигах отсюда.

– Как ты можешь видеть ночью в такой дали? – скептически спросил Амемун.

– Я чувствую их запах, – отозвался разведчик тоном, намекающим, что ответ должен быть очевидным.

– В какую сторону они направляются? – спросил Декелон.

– На северо-запад.

– Есть какие-нибудь признаки стада?

– Помет. Его не так много, как у стада последнего клана.

Декелон взглянул на Амемуна.

– Догнать их сегодняшней ночью будет трудно. Понадобится бежать изо всех сил. Последуем за ними до наступления дня, отдохнем, а потом, завтрашней ночью, закончим преследование.

Амемун покачал головой.

– Побежим изо всех сил, – настойчиво проговорил он. – Уничтожим сегодня ночью этот клан, а завтра ночью, быть может, найдем другой.

Декелон вперил в Амемуна взгляд, но не мог прочесть в темноте выражения лица. Миг спустя он вздохнул, соглашаясь с аманитом, а затем сделал разведчику знак вести их к намеченной дичи.

Это был безумный бег. Заряженный свирепым гневом, Амемун не отставал от колонны саранхов, когда та пересекала Океаны Травы. Их ноги выбивали по земле странную приглушенную дробь, такую, которую враг если и услышит, то лишь подивится ей. Выдвинутые далеко вперед разведчики обнаружили первых дозорных и убили их, а затем побежали дальше, пока не отыскали остальных, в то время как Декелон разворачивал основные силы. К тому времени, когда все заняли свои позиции, восточный край неба только-только начинал светлеть. Декелон взмахнул дротиком. Саранхи все как один встали, выкрикнули боевой клич и понеслись на лагерь.

Вместо того, чтобы ждать на краю группы, Амемун на этот раз бросился в атаку вместе с Декелоном. Первый увиденный им враг оказался женщиной, спотыкаясь, выбирающейся из задка фургона. Он чиркнул ее кинжалом по животу и побежал дальше. Ткнул острием во внезапно возникшее перед ним лицо, споткнулся о тело убитого, почувствовал запах окатившей его крови. Кое-как поднявшись на ноги, он бегом обогнул пронзительно ржущую лошадь с обмякшим у нее на спине мертвым всадником и налетел прямо на кучку дерущихся дротиками и саблями воинов. Он вогнал острие кинжала в спину одного из бойцов, одетого в пончо, а когда четт упал, выхватил из его руки саблю и принялся размахивать ею, рубя руки и головы. В темноте он не мог быть уверен, скольких ему удалось ранить, но четты в беспорядке отступили перед чистой яростью его атаки, и их поодиночке перебили преследующие саранхи.

Повсюду вокруг него звенели крики и вопли. Он побежал дальше и оказался посреди корраля, образованного кругом из шатров на фургонах. В центре корраля пылал большой костер, пламя которого рвалось в небо благодаря жиру, пожираемому им с брошенного на угли тела. Амемун вырезал квадрат из шкуры с одного из шатров и обмотал его вокруг сабли, после чего сунул саблю в костер и принялся поджигать этим пламенеющим факелом все остальные шатры. На него, занеся саблю над головой, бросилась какая-то безумная четтка. Он едва отразил удар,

сила которого заставила Амемуна отступить. Он споткнулся и упал, но сумел удержать саблю, угодив ею женщине в бок. Та пронзительно вскрикнула и убежала.

Тяжело дыша, Амемун поднялся, опираясь на саблю как на трость. К тому времени, когда он перевел дух, кольцо шатров уже пылало, и в небо подымались клубы густого дыма. Прикрывая лицо от жара, он вырвался из огненного кольца. Крики и вопли сделались теперь более отдаленными. Он повернулся, чтобы ринуться в гущу боя, но у него не осталось сил, ноги не слушались его. Руки бессильно повисли по бокам, сабля выскользнула из пальцев. Жар от горящих шатров опалял лицо. Он поискал внутри себя чувство потери, которое испытал при известии о смерти Сендаруса, и в смятении обнаружил, что оно по-прежнему на месте и все так же сильно.

Когда взошло солнце, Декелон нашел аманита на том же месте.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Амемун уставился на него, словно не понимая, где находится.

– Да, – помедлив, ответил он. – Как думаешь, мы отыщем сегодня ночью еще один клан?

– Думаю, нет. – Декелон пожал плечами. – Они редко кочуют в такой близости друг от друга.

– А следующей ночью?

– Возможно.

– Хорошо.

Он нагнулся подобрать саблю, полюбовался ее длинной и стальной твердостью. В нескольких шагах от него лежало тело четтского воина. Амемун подошел к нему. Лицо старика уставилось на него, вокруг глаз и рта запеклась кровь. На какую-то секунду Амемуну померещилось, будто он смотрит в зеркало. Эта мысль показалась ему забавной, и он рассмеялся, отстегивая пояс мертвеца с висящими на нем ножнами и надевая его на себя.

– Мне нравится эта сабля, – сказал он Декелону и вложил ее в ножны.

– Она тебе очень даже понадобится в грядущие недели.

– Кто-нибудь из врагов спасся?

– Не думаю.

Амемун кивнул. И снова заглянул в себя. Боль немного уменьшилась, но понадобится гораздо больше крови, прежде чем она исчезнет совсем.

ГЛАВА 12

Эйджеру снилось море. После Невольничьей войны и до встречи с Линаном он служил на торговых судах в качестве интенданта и казначея. В корабельной жизни хватало такого, о чем он нисколько не тосковал – еда и питье, шторма и запах трюмной воды – но кое-чего ему сильно не доставало. Во сне он лежал на кормовой палубе маленького торгового парусника, в штиль плывущего по морю, под блистающим ночным небом. Он слышал, как тихо хлопают паруса при каждом порыве ветра, как скрипят мачта и рея, подергиваются шкоты. А также чувствовал запах океана, соленый привкус жизни в глубинах и запах нагретой за день смолы. И видел над собой столько звезд, сколько ему и за всю жизнь не сосчитать. Он чувствовал каждое дуновение ветерка, который ласкал ему кожу, убаюкивая – и дыхание постепенно входило в единый ритм с легкими движениями корабля, когда тот покачивался на волнах.

А затем он открыл глаза – и все изменилось. Он лежал на вершине небольшого взгорка в Океанах Травы, а над ним раскинулось самое ясное небо, какое он когда-либо видел. Эйджер чувствовал мускусный запах земли, все еще влажной от дождя, и чистый запах диких тарпанов. Видел, как колыхается при каждом движении воздуха высокая трава, а высоко в небе парит и планирует одинокий орел, управляя полетом кончиками крыльев. Чувствовал, как его тело прилегает к земле, и из глубин земли доходит слабое гromыханье движущегося вдали стада.

Какая-то часть Эйджера гадала, куда же он будет перенесен дальше, когда его растолкали. Он сел и повернулся к Мофэст – спросить, зачем она его разбудила, но та по-прежнему крепко спала. Он посмотрел в другую сторону и увидел глядящее на него из темноты лицо Линана. Оно выглядело странно светящимся, и в том промежуточном состоянии между сном и явью, в котором он находился, это казалось вполне уместным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.